

18+

ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

Босхианские мотивы

Геннадий Логинов

Босхианские мотивы

«Издательские решения»

Логинов Г.

Босхианские мотивы / Г. Логинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936007-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Величественные триптихи Иеронима Босха, затейливые панорамы Питера Брейгеля-старшего и выразительные гравюры Альбрехта Дюрера оживают на страницах сборника, пропитанного эстетикой Ренессанса, во всех светлых и мрачных проявлениях прошедшей эпохи. Но эпохи проходят, а люди и нравы остаются. За видимой абсурдной фантасмагорией проглядывают многочисленные аллегии и аллюзии, иносказательность и символизм которых не утрачивают актуальности со временем.

ISBN 978-5-44-936007-6

© Логинов Г.

© Издательские решения

Содержание

Больно не будет	6
Глава I, Повествующая о зубах и нравах	7
Глава II, Повествующая о дорогах, ведущих в Рим	28
Глава III, Повествующая о вечном и преходящем	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Босхианские мотивы

Геннадий Логинов

© Геннадий Логинов, 2020

ISBN 978-5-4493-6007-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Больно не будет

Глава I, Повествующая о зубах и нравах

Адам и Ева имели перед нами много преимуществ, но больше всего им повезло в том, что они избежали прорезывания зубов.
Марк Твен

В стародавнем году, который нынче никто и не вспомнит, в далёкой стране, которой нет на современных картах, в непримечательном поселении, название которого ничего вам не скажет, находился монастырь ордена, которого больше не существует.

Монастырь Святого Христофора, построенный в окружении белоснежных пиков гор, на момент основания насчитывал в своей обители порядка двадцати монахов, но даже и в лучшие годы их набиралось не более тридцати двух человек.

Их скромное облачение составляли простой чёрный хабит со скапулярием, обычная сыромятная верёвка, игравшая роль пояса, количество узлов на которой обозначало число уже принятых её обладателем обетов, а довершению сего благочестивого образа служили монашеские чётки и сандалии, борода и тонзура.

Устав требовал от братьев любить Отца Небесного всеми силами души своей, не забывая о сердечной любви и уважении к ближним своим, при отвержении себя самого, умерщвлении плоти, сознательном отказе от убийства и блуда, кражи и лжесвидетельства, клеветы и зависти, ропота и тщеславия, ревности и стяжательства.

Монах не должен был делать другим людям того, чего не пожелал бы себе, но был обязан вместо этого утешать печальных, поддерживать несущих тяжёлое бремя, облегчать участь бедных, одевать нагих, кормить голодных, исцелять больных и хоронить мёртвых.

Он не должен был привязываться к чему-либо приятному чувствам, не предпочитая что-либо Христовой любви, но в то же время должен был любить пост и оставаться чуждым мирским нравам, не потакая плотскому желанию.

Божьему слуге не пристало держать в своём сердце гнев и ненависть, помышлять о мщениии и лукавить, оставлять милосердие и обнадёживать понапрасну. Монах не должен был давать каких-либо клятв, дабы не оказаться клятвопреступником, но вместо этого ему следовало придерживаться правды в сердце, словах, делах и помышлениях.

Ему следовало возлюбить своих врагов всем сердцем, не отвечая злым на злое, но лишь благословляя проклинающих, искренне моля за них в любви Христовой. Монах не должен был терпеть неправды и беззакония, но должен был стоически преуызмогать то, что может выпасть на его собственную долю, с примерным мужеством перенося гонения за правду.

Брату всегда следовало опасаться гордыни, пристрастия к вину и еде, лености и сонливости. Уповая на Бога во всех своих начинаниях, он должен был приписывать в заслугу Ему всё то благое, что сможет обнаружить в себе, в то же самое время виня во всех своих слабостях и недостатках лишь себя самого.

Стремясь всеми силами души к жизни вечной, монах с завидной настойчивостью готовил себя к ней, при этом не забывая помнить о смерти, следить за своими мыслями и поступками, страшиться ада и помнить о Судном Дне, пребывая в твёрдой уверенности, что Всевышнему ведомы все его страсти и поступки – всегда и везде.

Лишь только в душе монаха зарождались недобрые мысли – он должен был тотчас же разбивать их о светлый образ Христа, открываясь лишь сведущему в духовных делах наставнику. Уста свои надлежало воздерживать от всякого злого или праздного слова, избегать ненужного многословия и споров, а также громкого и частого смеха, способного изгнать из человека всю праведность и благодатный настрой.

Охотно внимая духовному чтению и часто предаваясь молитве, монах каждый день своей жизни должен был проводить в соответствии с заветами Господа, каждый день с высочайшим почтением и искренними горькими слезами исповедуя Ему свои прошедшие прегрешения – не формальности ради, но дабы впредь не совершать их.

Отказываясь от собственной воли, монах всецело должен был доверять решению людей, поставленных ему свыше начальниками, и подчиняться им даже в том случае, если сами они, упаси Бог, не представляют собой образец нравственной чистоты, не считая чужую неправедность оправданием собственной, но при этом прямо и открыто обличая их в глазах братства на ежедневном собрании капитула.

Власть, как и болезнь, почиталась ниспосланной монаху свыше, что, тем не менее, являя собой определённое испытание, не означало отсутствие необходимости в лечении. В том случае, если начальствующие, к примеру, начали бы склонять подчинённых к греху, ввергать в ересь и требовать отступить от Бога и веры, – с этой болезнью надлежало бороться, как и с любой другой. При этом любое лицо, наделённое властью, должно было неукоснительно осознавать, что власть была дана ему свыше совсем не затем, чтобы он впадал в гордыню от ощущения собственного превосходства над подчинёнными, но ради того, чтобы он, с предельной мудростью и осторожностью, употребил её во Славу Божию. Максимально используя все предоставляемые властью возможности во благо, он должен был помнить и о том, что большая власть подразумевает и большую ответственность.

Монаху следовало избегать кощунственных мыслей о собственной святости, при этом умея отличать и утончённые виды гордыни, когда под внешним самоуничижением скрывается духовный нарциссизм.

Младшим монахам надлежало почитать старших (приходившихся им старшими не столько в телесном, сколько в духовном отношении), равно как и старшим – выказывать отеческую заботу о младших.

Любя чистоту, простоту и опрятность, монахи должны были содержать в порядке как мысли свои и одежду, так и отведённые им кельи и прочие помещения, но вместе с тем соблюдать во всё меру, дабы забота о собственной внешности и убранстве обители не превратились в особую форму самолюбования.

В довершение же всего: разделённым распрей монахам надлежало мириться ещё до захода солнца, а ощутив в себе зародившиеся плевелы уныния, никогда не отчаиваться в бесконечном милосердии Божиим.

По сути устав был ничуть не менее строг, чем у римских воинов или олимпийских спортсменов. Поэтому монастырских братьев иногда именовали «Божьими воинами» или «атлетами духа», коль скоро в былые времена «аскетами» назывались профессиональные ученики атлетических школ. Но вместе с тем, несмотря на всю ту высокую значимость, которую орден уделял суровой аскезе, – основные роли в его иерархии добродетелей отводились для покаяния и смирения, без обретения которых терялся всякий смысл не только самой аскезы, но и любых прочих дел.

Обязанности монахов были чётко разделены в соответствии с их способностями и склонностями; и ни одна из работ, будь она связана в большей степени с книжной учёностью и пытливым умом, развитым чувством прекрасного и творческим началом либо с физическим трудом и рутинными делами, не могла считаться особенно почётной или, напротив, сколь-либо унижительной.

В то время как учёный муж проводил свои дни в скриптории, составляя переводы трактатов античных философов, травщик настаивал лекарство от его недуга, а сведущий в поварском деле келарь обеспечивал каждого из них ежедневной трапезой.

Наиболее старые и дряхлые из монахов, чьё зрение было уже недостаточно острым, а ум – ясным, чтобы дополнительно напрягать их изучением фундаментальных трактатов, наставле-

нием страждущих и регулярным выступлением с богословскими докладами, чьи телесные возможности не позволяли заниматься тяжёлым трудом и вести монастырское хозяйство, обитали особняком, изолированные не только от внешнего мира, но даже и от других братьев. Единственной обязанностью старцев оставалось непрерывное бдение: глубоко вдумчивое чтение мысленных молитв, снова и снова повторяемых в безмолвном трепетном почтении.

Боясь нарушить благочинный покой старших братьев по вере, остальные монахи как можно тише приносили в означенный час приготовленную для них пищу и, оставляя приношение у порога келий, так же бесшумно удалялись.

Распорядок исполнения монашеских обязанностей перед Творцом и общиной был распisan буквально по минутам. Братья рано вставали и поздно ложились, соблюдали строгий пост, и свято хранили обет молчания, нарушаемого исключительно для чтения молитв и проповедей, песнопений и по иным уважительным причинам.

Всегда и везде сохраняя умы свои в ясности, они воздерживались от употребления алкоголя, позволяя себе лишь испить немного вина на причастии, а чистота родниковой воды, коей заслуженно славилась здешние места, избавляла её от потребности в обычном, по тем временам, винном разбавлении.

Основная работа монастырских братьев заключалась отнюдь не в чём-то внешнем: монахи вели постоянную мысленную брань, борясь со всевозможными греховными помыслами и искушениями.

Некоторые послабления в еде и работе были допустимы лишь для больных: в том случае, когда их состояние исключало всяческую активную деятельность, а отказ от пищи был опасен не только для здоровья, но и для жизни.

Монахи доили коз, варили сыр, следили за садом, выращивали фрукты, овощи и виноград, давили вино, содержали пасеку, собирали мёд, готовили ликёры, ловили рыбу и относили многие плоды своего труда на продажу.

Так или иначе, несмотря на сознательный отказ братьев от личной собственности, персональная нищета монаха ещё не означала нищеты монастыря, хранившего некоторые вещи для коллективного пользования и, в частности, располагавшего некоторой суммой денег. Эти средства могли быть потрачены не только на нужды общины, но также и на различные благие дела, в помощь многочисленным нищим, больным и убогим людям, живущим за пределами монастырских стен.

В нелегких монашеских буднях – людей поддерживали три благонравных ослика, с достоинством носивших имена основателей великих нищенствующих орденов: Франциска, Бенедикта и Доминика. Эти на редкость послушные, вопреки естественному пороку их вида, Божьи создания были призваны на роли боевых коней местных рыцарей молитвы и чётков. Многочисленные юные воспитанники монастыря, как правило, весьма любили малых сих, охотно помогая послушникам, в задачу которых входили мытьё и кормёжка ослов при стойлах.

Настоятель, наградивший ослів столь необычными именами, не усматривал в подобном выборе чего-либо предосудительного, коль скоро сам Спаситель счёл нужным въехать на одном из таких замечательных животных в Иерусалим, а одно из известнейших чудес было явлено через валаамову ослицу, не говоря уже про присутствие осла в яслях, посему в поступке сего почтенного мужа читались определённые аллегорические мотивы.

В скриптории при библиотеке сообща трудились толмачи, рубрикаторы, копиисты миниатюристы и пергаментчики, занятые кропотливым переводом и написанием текста, созданием, иллюстрированием и прошивкой страниц и, в конечном итоге, изготовлением новых книг, на каждую из которых уходило, в среднем, не менее нескольких месяцев основательной совместной работы. Во избежание порчи книг от моли, червей и прочей ползуче-кусачей напасти, пергамент обрабатывался шафраном и кедровым маслом.

Во всех этих книгах, как некогда имел смелость предположить один из работавших здесь юных монахов, говорилось то же самое, что и в любых других книгах мира: содержание одних книг рассказывало о содержании других книг, и все отличия, по сути, заключались в том, как именно они об этом повествуют. Тем не менее, спектр областей человеческих знаний, затронутых в данных трудах, был весьма широк, ни в коем разе не ограничиваясь одной лишь областью богословия.

В задачу некоторых особенно одарённых монахов также входиликовка металла, изготовление стекла и создание витражей, резьба по дереву, написание триптихов, а также составление «карт мира».

Эти «карты мира», носившие латинское название «*mappae mundi*», функционально не были предназначены для каких-либо практических целей: с их помощью нельзя было, к примеру, пересечь океан или проделать путь из одной страны в другую. Но вместо этого они представляли собой наглядные энциклопедии, имевшие особую ценность для тех, кто не был обучен грамоте.

На этих древних картах изображались наиболее известные государства, вместе с населявшими их народами и животными, обитавшими там святыми и растущими там растениями. В центре этих карт неизменно размещался так называемый «Пуп Земли», «*ombilicum mundi*», священный город Иерусалим. Разделённая на три части, карта мира разграничивала места обитания народов, произошедших после Великого Потопа от троих сыновей Ноя – Хама, Сима и Иафета.

Неизвестные заморские земли, будоражившие разумы наиболее молодых монахов, назывались «*terra incognita*», и были населены различными диковинными существами, вызывавшими своим видом смешанные чувства боязни и любопытства: устрашающими стимфалийскими птицами; неукротимыми онокентаврами; быкомедвежьими апре; тысячерукими и сотнеголовыми гекатонхейрами; пышнобородыми гермафродитами; великорослыми циклопами и лестригонами; парящими в высоком небе драконами; плывущими в морских водах реморами и тролльвалами; скулящими на луну кинокефалами; изогнуторогими камелеопарделями; пышногрудыми сфинксами; змеевласыми медузами; грациозными ламиями; пернатые гиппогрифами; страшноокими василисками; двуглавыми амфисбенами; винторогими антолопами; острохвостыми мантикорами; подвижнорогими йейлями; крылозмеими амфиптерами; великоногими скиаподами; широкоухими паноптиями; торсоликими блемиями; ослонербложьими аллокамелусами; козлобараньими музимовами; чешуйчатые рыбами-епископами; зловещими кракенами и гребенчатые кокатриксами.

В праздничные дни, а также и по субботам, в стенах сего монастыря проводились капитальные уборки, в которых на равных принимали участие все монахи от мала до велика, включая и самого аббата, но исключая наиболее слабых и дряхлых.

Полноправное вступление в орден требовало от каждой мятущейся души полного, безоговорочного и осмысленного принятия четырёх обязательных обетов, а именно...

...Обета послушания, выразившегося в полнейшем отказе монаха от собственных свободных суждений и поступков, но соблюдении решений более искусных в духовных вопросах начальников...

...Обета нестяжательства, выразившегося в полнейшем отказе монаха от владения собственностью, отказе от богатств и любого имущества в пользу монастырской общины; тем не менее допускавшего временное пользование вещами, необходимыми для несения службы, равно как и наличие совместно используемых средств, находящихся не в личном владении одного человека, а общины как таковой. Ведь нестяжательство понималось ещё и как самодостаточность обитателей монастыря, живущих особняком от мира...

...Обета целомудрия, выразившегося не только лишь в воздержании от плотских утех, как это часто узко понималось в миру, но представлявшего собой целый комплекс мировоззрен-

ния и согласованного с ним поведения. Иначе говоря – «целостную мудрость». В связи с чем человек, не гнушавшийся убийства, кражи, богохульства, лжесвидетельства, ереси, язычества и прочего беззакония, – никак не мог считаться целомудренным, будь он хоть трижды девственником. Но, в то же самое время, благочестивая матрона, ставшая матерью для великого множества детей, могла оставаться целомудренной даже и в браке – если, конечно же, ум последней был свободен от праздности и скверны. Другое дело, что именно монашеское целомудрие, в рамках умерщвления плоти и борьбы с мирскими страстями и привязанностями, в числе прочего придавало высокое значение безбрачию. Что, в свою очередь, исключало и плотскую близость. В то же самое время, целомудрие, сочетавшееся с девственностью, именовалось «девством»...

...И, в заключение, последним по очередности, но не по значимости, являлся обет постоянства, в соответствии с которым монах навсегда оставался привязан к монастырю, в стенах которого проходило его пострижение, что, в свою очередь, означало: пусть даже под сими стенами соберутся нечестивые вражеские воинства – монах останется и примет в эти тяжёлые дни всех страждущих, не бежав и не предав свою паству...

Разумеется, принятие каждого из последующих обетов в известной степени хоть и увеличивало права и полномочия монаха, но, в существенно большей степени, и налагало на него дополнительные обязательства. Поэтому принятие как первого, так и каждого из последующих обетов не могло производиться легкомысленно, но требовало от желающего долгой и основательной подготовки. Коль скоро эти обеты не могли быть отменены и требовали пожизненного соблюдения.

Некоторое время, разнившееся от случая к случаю, но, в среднем, составлявшее лет шесть, кандидат имел право находиться в стенах монастыря на правах послушника, тем самым тренируя волю, набираясь знаний и привыкая к распорядку монашеской жизни.

В том случае, если вера испытуемого оказывалась не в полной мере сильна, если он, придя за эти стены, надеялся не обрести Бога, а просто найти здесь корм и кров или бежать от собственных проблем, а дела мира сего продолжали привлекать его в большей степени, нежели служение Всевышнему, – он был свободен в любой момент проститься с братьями, покинув приветливые стены монастырской обители.

Но ежели он оставался в значительной степени усерден, доказывая серьёзность своих намерений и глубину веры на протяжении многих лет, то, с обязательного согласия братьев и настоятеля, испытуемый мог принять первый из обетов. Обет послушания, за которым, по истечении длительного количества лет, он непрестанно совершенствовался в своём служении, постепенно доказывая своё право на принятие всё новых и новых обетов. С принятием последнего, обета постоянства, он сразу же становился одним из возможных кандидатов на пост монастырского настоятеля.

До тех же пор, пока монах ещё не принял всех четырёх обязательных обетов, которые он, так или иначе, в обязательном порядке должен был возложить на себя на протяжении жизни, он мог быть определён решением капитула на тот или иной род занятий, ещё (или уже) недоступный для остальных членов братства.

Так, например, монах, ещё не возложивший на себя ограничений, проистекающих из обета постоянства, до этих пор мог выполнять обязанности гонца, позволяя монастырю поддерживать отношения с представителями других орденов, находящихся в различных местах страны, а то и получить благословение на ведение миссионерской деятельности в землях язычников.

В то же самое время другой монах, уже принявший обет послушания, но ещё не подготовивший себя в полной мере для отречения от личного имущества, мог занимать какой-либо официальный пост, подразумевавший под собой наличие частного имущества (к при-

меру, выполняя почётные обязанности учёного писца, в задачу которого входило ведение протоколов при проведении регулярных заседаний городского совета).

При этом он представлял интересы монастырской общины, которой в дальнейшем, так или иначе, переходило самостоятельно нажитое им имущество.

Люди, которые проживали в монастыре, при этом не будучи монахами в полном смысле этого слова, назывались «облатами», то есть – «предлагающими».

В широком смысле слова, облатом мог быть как малолетний ребёнок, проходящий обучение в стенах монастырской обители, так и пожилой мирянин, пришедший под его кров на склоне лет; как юный послушник, только начинающий свой путь на избранной стезе, так и человек, стоящий в одном шагу от того, чтобы принять монашеский постриг.

Чтобы эти отличия были видны невооружённым глазом, те или иные облаты, в зависимости от того, в какой мере усердным было их служение в качестве монастырских послушников, могли носить те или иные элементы монашеского одеяния ещё до пострига, а также принимать те или иные обязательства, которые могли ежегодно и добровольно продлевать.

При этом данные обязательства не приравнивались к монашеским обетам и их нарушение не могло вызвать того порицания, которое неизбежно навлёк бы на себя монах, нарушивший один из основных обетов.

Нарушитель либо просто оставлял ту обитель, для жизни в которой он оказался не вполне подготовлен, либо, приняв покаяние, испрашивал разрешение продолжить своё послушничество, и если в дальнейшем он не получал очередных серьёзных упрёков, то имел все шансы принять постриг.

Впрочем, время от времени в монастыре обитали люди, не принимавшие участия в работах, жизнь и поведение которых не были каким-либо образом регламентированы уставом братства.

Иногда это были проезжие путники, не сумевшие обрести ночлега и покидавшие это место вскоре после отдыха и трапезы. Ни один странник не получал здесь отказа, и ни один голодный не уходил отсюда, не будучи хотя бы скромно накормленным, отчего в определённом часу проводилось ежедневное кормление попрошайек, стекавшихся ради такого дела со всей округи.

Возможно, среди пришельцев и находились рядившиеся под нищих самозванцы, но братья скорее предпочитали одеть, накормить и обути обманщиков, оставив этот грех на их совести, нежели из досужих подозрений отказать в помощи нуждающимся.

Тем паче что трапеза не была столь разнообразной и обильной, чтобы лезть из-за неё каждый раз вперёд, расталкивая всех наперебой локтями. Правда, в праздничные дни нищих могли побаловать и чем-нибудь особенным.

Но, как в будние дни, так и в праздники, обязательным условием любой трапезы было соблюдение образцового порядка.

Пока один из монахов, определённый келарём на роль трапезника, распределял между всеми по справедливости еду и вино, а другой, определённый чтецом, оглашал в это время строки из Священного Писания, – ни один из христарядников не смел в тот миг шуметь, переговариваться или суетиться.

В противном случае трапезу просто могли прервать, а собравшихся – без лишних церемоний попросить из-за стола. После чего голодные товарищи по нищете, скорее всего, намяли бы виновным бока.

Время от времени в монастырь приезжали учёные мужи из других мест, в основном являвшиеся монахами иных орденов. С собой они привозили товары, запрошенные в их прошлый приезд для обмена: лекарства, продукты, рабочие материалы и всякое разное в том же духе.

Учёные гости брали с собой редкие книги, и, если их копий не обнаруживалось в богатой библиотеке братства, странники могли оставить их на время переписчикам в монастырской скриптории. В обмен же они получали доступ к книгам самого аббатства или к каким-то иным услугам.

Но помимо всего вышперечисленного данное аббатство обладало двумя причинами многочисленного притока посетителей. И речь шла вовсе не о святых мощах и реликвиях, наподобие головы Святого Георгия, об обладании которой одно время заявили сразу двенадцать монастырей. И даже не о редких фолиантах, наподобие утраченного тома «Поэтики» Аристотеля. Но о двух прославленных монахах, несомненно, выделявшихся, пусть и каждый по-своему, на фоне всей остальной монашеской братии. Что, тем не менее, не становилось для них причиной впадения в гордыню.

Ни один из них, к примеру, не мог бы заслуженно почитаться святым праведником, подобно Бенедикту Нурсийскому или Иерониму Стридонскому, или хотя бы прослыть в веках оригинальным мыслителем своей эпохи, подобно Фоме Аквинскому или Ансельму Кентерберийскому. Но определённые обстоятельства заставили обоих Божьих слуг сделаться невероятно популярными и известными как в родных местах, так и далеко за их пределами. Впрочем, ирония судьбы такова, что многие из ныне живущих либо никогда и не слышали их имён, либо могли спутать их с другими, похожими на слух, либо просто принять всё связанное с ними за очередную народную сказку. Как бы то ни было, не награды и почести делают истинных героев достойными их величия, равно как и всеобщее порицание и презрение, как таковые, сами по себе не означают за человеком наличия или отсутствия истинной вины.

Первый брат носил имя Венсана Мавра и обладал весьма необычной внешностью, скорее подходившей типичному магометанину, нежели христианину. Лицо его носило на себе печать природного загара, волосы были черны и естественным образом складывались в завитки, а тяжёлый и в то же время пронизательный взгляд его льдисто-серых глаз выдавал в нём рассудительного и словно бы оценивающего вас человека, с которым лучше не связываться в кулачном бою.

О прошлом брата Венсана осталось достоверно известно, что, прежде чем принять постриг в монахи, он некогда был известен как отважный воин, сын прославленного во всех Семи Морях мореплавателя и юной темноокой наложницы, приобретённой его отцом в одной из жарких южных стран. Своим прозвищем монах был обязан не внешнему виду, но прилежному ученику Святого Бенедикта Нурсийского, носившему имя Мавр.

Венсан не любил вспоминать о годах своей молодости, проведённой вне стен давно породнившегося с ним монастыря, отзываясь о них не иначе как о печальных грехах беззаботной юности. Но вместе с тем, несмотря на свой возраст, монах был по-прежнему статен и прекрасно сложен и, получив на то особое соизволение настоятеля, среди всего прочего обучал местное ополчение азам воинского ремесла.

Набеги жестоких варваров не были в эти дни какой-либо диковинной редкостью, и если до этих пор Господь отводил беду от этих мест, то это ещё не означало, что так непременно должно продолжаться и впредь.

Манера сидеть за столом, держа спину ровно. Или держать ложку так, словно бы это настоящее оружие. Стоять навтыжку, будто боец в строю. Интонация, с которой он отдавал распоряжения. Взгляд, которым он оценивал обстановку. Походка, которой он мерил внутренний двор монастыря. Словом, всё выдавало в нём выучку бывалого воина.

Косая сажень в плечах, высокий рост и боевая удаль, не говоря уже об экзотической внешности, вносили свою весомую лепту в образ этого весьма колоритного человека, но прежде всего в нём ценили не красоту, о которой ночами напролёт напрасно мечтали местные женщины, и не силу, которую уважали в нём многие мужчины.

Многочисленные легенды о его энциклопедической начитанности, редкой живости и изошрённой пронизательности ума уже долгие годы бродили не только по всему христианскому миру, но даже и за его пределами, вызывая интерес как у обычных людей, учёных мужей и знатных господ, так и у сильных мира сего.

Имея что-то общее с Чезаре Борджиа и Франческо Сфорца, которые, как сказал Никколо Макиавелли, являли собой грандиозное сочетание недюжинной силы льва с изящной хитростью лисицы, он отличался от них отсутствием лукавosti и коварства.

Свободно изъяснявшийся в устной и письменной речи на древнегреческом, латыни, еврейском, арабском и многих из прочих известных по тем временам языков, он состоял в научной и богословской переписке с виднейшими и мудрейшими людьми если и не всего мира, то, во всяком случае, внушительной его части.

Духовно дисциплинированный человек, он не считал себя мудрее или в чём-либо лучше других, ведь за удивительной памятью, выстраивающим блестящие силлогизмы умом и от природы крепкой плотью скрывалась ровно та же душа, что и у прочих людей на свете. В сравнении с бесконечным сиянием Славы Божьей – любые достижения человека были ничтожны и жалки, а помышления об особых заслугах пред Всевышним, высокой праведности, едва ли не доходящей до личной святости, на деле ввергали людей в пучину гордыни. Для борьбы с едва начинавшимися закрадываться помыслами о собственной высокой значимости, Венсан прибегал к такому известному методу, как грязная работа, что помогало укреплять его смирение перед Господом.

Рассматривая изучаемые им предметы, Мавр устремлял свой взгляд как вглубь, так и вширь, в равной степени основательно подходя к различным вопросам богословия, медицины, логики, истории, грамматики, естествознания, алхимии, философии, поэзии, музыки, математики, гербалистики и риторики.

Большую часть своего времени Венсан проводил либо в помещении монастырской школы (единственного места на многие мили, где дети крестьян могли обучиться грамоте, к тому же ещё – совершенно бесплатно), либо в стенах библиотеки, где, подолгу находясь в окружении необходимых в его работе книг, он составлял свои знаменитые трактаты.

В особых же случаях – он мог провести целый день не выходя из лаборатории, с разрешения настоятеля получая еду на место и посещая лишь первую и последнюю службы, либо принять приглашение на участие в богословском диспуте, предпочитая, впрочем, скорее принимать гостей у себя, чем уезжать за тридевять земель.

Зная о невероятной прозорливости сего монаха, многие состоятельные особы были совсем не против отдать своих благородных чад на обучение к нему – даже невзирая на незавидную перспективу тесниться в одном классе с простолюдинами.

Будучи главным учителем школы, Венсан с охотой принимал всех желающих, при этом не делая никаких различий или поблажек как между сыном оборванца и сыном вельможи, так между дураком и отличником: во-первых, для Бога не имело значения, кто чей сын, и, тем паче, это не имело значения для их учителя, и, во-вторых, даже у слабого в науке могло быть золотое сердце, а у сильного в знаниях – чёрные мысли. Впрочем, во время своих уроков Мавр требовал от каждого ученика дисциплины, усердия и прилежания, и если он наблюдал, что кто-то ведёт себя неподобающим образом либо не справляется с наукой не в силу присущей от природы слабости ума, но по обычной безответственности и лени, намоченные розги тотчас же не давали о себе забывать.

Помимо обучения детей Венсан уделял время подготовке послушников и монахов, а также и прочих взрослых людей, многие из которых специально преодолевали немалое расстояние лишь за тем, чтоб поприсутствовать на его лекциях и докладах либо сойтись с ним в дискуссии. При этом красноречивые и учёные слова Мавра настолько очаровывали слушателей, что даже долгие часы пролетали перед ними, как минуты.

На протяжении всей жизни из-под его пера выходили многочисленные труды, к наиболее значимым из которых следовало отнести трактат «О книжной учёности и силе искусств», в котором он, рассуждая о единстве и связи религиозной, научно-философской, светско-политической и творческой мысли, активно цитировал Гомера, Эсхила, Софокла, Платона, Аристотеля, Еврипида, Вергилия, Тита Ливия, Цицерона, Эвклида, Аль-Фараби, Аль-Газали, Аль-Хорезми и Авиценну, в то же самое время выступая с критикой в адрес Эпикура, Демокрита, Аверроэса и Маймонида.

В этом же самом трактате Мавр выражал свою полную солидарность с Великими Каппадокийцами во взглядах на то, что внешняя учёность есть благо и, к сожалению, по сию пору встречаются невежественные люди, которые по скудоумию своему опасаются, что образованность является врагом веры.

Некоторые даже преподносили едва ли не как догмат расхожее выражение «невежество – мать благочестия», приписываемое Римскому Папе Григорию I Великому: великому святому, который был вынужден против собственной воли оставить затворничество, занять высокий пост (которого не желал) и проявить себя мудрым правителем, тонким политиком, смелым миссионером, грамотным стратегом, автором многочисленных трудов (в особенности, – знаменитых «Диалогов») и просто высоконравственным человеком. На самом же деле, речь шла вовсе не о невежестве, а о простоте помыслов.

Брат Венсан категорически не принимал отношения ко всем древним книгам вообще и к математическим трактатам в частности, как к пособиям для обучения колдунов, тем не менее, признавая роль нумерологии в мистических практиках отдельных еретических сект и философов.

Решение запретить разом все древние книги (за исключением, естественно, «Библии») в понимании Венсана Мавра было близко к идеям Тертуллиана, породившего знаменитый тезис «*Credo quia absurdum est*», что переводится как «верую, ибо абсурдно».

Данная известная максима, являющаяся парафразом труда «О плоти Христа», зародилась у Тертуллиана на почве тех простых рассуждений, что раз уж ему известно, что Христос есть Сын Божий и Спаситель, – то для чего утруждать себя поиском каких-либо прочих, ненужных, а то и вредных знаний; да и вообще – «Что может быть общего у Иерусалима с Афинами?».

В соответствии с подобными идеями некоторые люди действительно полагали, что любые сторонние тексты и знания либо повторяют Истину, дарованную людям от Бога, и, стало быть, являются излишними, либо даже противоречат ей и, стало быть, вредны.

При этом Тертуллиан, будучи бескомпромиссным буквалистом, отрицал не только необходимость и допустимость, но даже и саму возможность аллегорического прочтения Священного Писания, полагая, что всё следует понимать исключительно дословно, даже если это противоречит человеческой логике, побольше интересоваться насущными, а не метафизическими вопросами; ведь, в противном случае, аллегорические умозаключения способны ввергнуть человека в ересь.

По иронии судьбы, в конечном итоге Тертуллиан сам впал в ту самую ересь, от которой до этого настойчиво пытался оберегать остальных, сначала присоединившись к известной секте монтанистов, а затем и вовсе основав собственную, в то время как его тезис был не просто всеми отвергнут, но принят в штыки александрийскими апологетами, провозгласившими новый тезис: «верую, ибо *не* абсурдно!».

Обращаясь к этому и подобным примерам, Венсан в то же время выражал свою солидарность Великим Каппадокийцам, полагавшим, что в мудрости античной философии уже прослеживались искры истинно Божественного Учения, подобного тому, как водная гладь способна отразить на своей поверхности солнечный свет. Ведь даже несмотря на то, что эллины, как и остальные язычники, не получали сверхъестественных откровений от Бога, – они не были лишены естественных; и входя своими судьбами, как и все люди, в сферу Промысла Божьего,

обладая поистине светлыми умами, дарованными им от Отца Небесного, смогли применить их с похвальным усердием, постигнув многое из того, что в силах познать человек, не получая знания свыше.

Отстаивая значение разума, Венсан ссылаясь то на Фому Аквинского (в частности, на знаменитую «Сумму теологии»), высоко оценившего известных античных и арабских учёных, то на Роджера Бэкона, полагавшего, что поверхностные познания действительно могут создавать видимые парадоксы, в то время как углублённая учёность, напротив, лишь позволяет их развеять. При этом в целом он категорически не принимал подавляющее большинство идей как первого, так и второго.

По Мавру, человек, ведомый одним лишь внутренним наитием, отрицающий или, по крайней мере, не признающий значения накопленной за века мудрости, полагающий, что существование авторитетов и догматов не требуется для подлинно духовной жизни, а всяческие знания и доказательства основных богословских Истин если и не невозможны, то, по крайней мере, просто излишни (поскольку истинно верующему человеку они ни к чему, а для убеждения еретика они бесполезны), находится в опаснейшем из заблуждений.

Действительно, для переубеждения человека, который твёрдо решил игнорировать любые попытки достучаться до его сердца, пропуская любые доводы мимо ушей, – самых ценных слов могло оказаться мало; но, в то же самое время, далеко не каждая заблудшая душа совершенно чужда воззванию к разуму; да и каждому верующему, в особенности в момент преодоления тягостных сомнений, было бы полезно приобщиться к кладезю человеческой мудрости, направляемой Божьим Промыслом.

Но, тем не менее, что вера, лишённая мудрости разума, что человеческий разум, лишённый мудрости веры, по мнению брата Венсана, могли стать причиной огромных заблуждений и, как следствие, – ужасных бедствий. Поэтому, настаивая на здоровом балансе между созерцательностью и действием, он посвятил данному вопросу отдельный трактат «О единстве мистики и философии», подразумевая под мистикой ни в коем случае не колдовство и прочую бесовщину, а исключительно духовный опыт-откровение христианина.

Из прочих же сочинений Мавра в обязательном порядке следовало бы упомянуть «Ересиарий», в котором он проводит основательный обзор всех известных миру ересей, от возникших в древние века до образовавшихся в его дни; и «Теодицею», в которой Венсан объясняет наличие в мире зла и адских мук при существовании Всеблагого Творца, а также вопрос существования свободной воли человека при существовании Божественной Воли и Божественного Всеведения.

Памятуя же о работах, не лежащих непосредственно в области богословия, никак нельзя пропустить трактат «О поэзии» и три сборника стихов собственного сочинения: «Vade retro», в котором он приводит семь стихотворений, изобличающих семь смертных грехов; «Amabile orus», в котором он рассказывает про своих юных воспитанников, которые, пусть и уступая ему в книжной учёности, обладают тем качеством, без которого ни одному человеку невозможно попасть в Царствие Небесное, а именно – детской душой; «Igni et ferro», посвящённый методам лечения, ранее практиковавшимся у светил древности, и актуальным вопросам врачевания в медицине современности.

Полной противоположностью брата Венсана являлся достопочтенный брат Фабрис, носивший крайне необычное прозвище «Зубник». Известность его, вполне сопоставимая с известностью брата Венсана, была вызвана несколько иными причинами и, как следствие, окружала своего носителя совершенно иным ореолом.

И если общения с братом Венсаном специально искали, его самого – любили, а на встречу с ним – спешили по велению сердца, то в случае с братом Фабрисом всё обстояло совсем наоборот.

В массе его не любили, а, скорее, боялись и недолюбливали. Избежать общения с ним желали бы многие. И хотя бывало, что люди и шли к нему по доброй воле, но всё-таки чаще не по велению сердца, а в силу острой нужды, оттягивая неприятную встречу до последнего момента.

Невысокий и пухлый, он внашл людям истинный трепет, от которого по коже у них пробегали мурашки, и один зуб не попадал на другой.

При этом сам Фабрис не был в какой-либо мере внешне отталкивающим, злым или неприятным в общении человеком, но всё упиралось не столько в его вполне светлую натуру, сколько в род его профессиональных занятий.

Заметно уступавший Мавру в годах, Зубник не отличался ни глубиной мысли, ни универсальностью познаний последнего. Зато – он был вполне сведущ в сфере вопросов, касающихся его врачебного призвания, поэтому назвать его простаком тоже было нельзя.

Фабрис не был особенно силён в философских дебатах на богословские и светские темы и, выбирая из пространных рассуждений о метафизике и вопросов практически-прикладного характера, отдавал предпочтение последним.

У всех людей на Земле, будь то мужчины или женщины, малые дети или глубокие старики, императоры или нищие, учёные или невежды, праведники или грешники, были зубы. И зубы эти, надо вам сказать, рано или поздно портились, давая о себе знать подчас не самым приятным образом. А всё, что приносит боль и страдание, как известно, требует своевременного лечения. И, если потребуется, лечение может быть проведено вплоть до полного искоренения источника боли.

Фабрис лечил людям зубы. И подходил к своему искусству весьма основательно, отличаясь новаторством методов и похвальностью результатов. Ничего больше, и ничего меньше.

Возможно, живи брат Фабрис в наши дни, – он не так сильно выделялся бы на фоне остальных профессиональных врачей и даже не входил бы в число лучших из них. Хотя, если всё-таки посмотреть на вопрос с другой стороны, кто знает, каких вершин сумел бы достичь он в своём искусстве, обладай он при своём усердии современными знаниями и оборудованием, которых, возможно, не появилось бы, не будь в своё время как его самого, так и людей, подобных ему.

Но в те далёкие годы, когда лечением зубов занимались преимущественно кузнецы, брадобреи, всевозможные коновалы и шарлатаны, а до создания стоматологии как области медицинской науки оставались ещё долгие, наполненные страшной зубной болью, века, – Фабрис по праву мог называться не просто лучшим дантистом в аббатстве, а, пожалуй, и в мире. Хотя бы уже и потому, что, даже не зная этого более позднего слова, по сути, был единственным человеком в мире, в полном смысле попадающим под это определение.

Брат Фабрис был человеком довольно экстравагантной натуры, что ни в коей мере не говорило о нём дурно. Возможно, не водись за ним некоторых странностей, он так и не избрал бы для себя столь необычный род занятий, вдобавок подступившись к нему столь же необычным путём.

Двойственность своего признания, включавшего в себя пересекающиеся и слившиеся в один гармоничный пути врача и монаха, Фабрис осознал ещё в раннем возрасте. Когда у него, ещё сравнительно малого ребёнка, нестерпимо болели его молочные зубы, – эта боль, порой доводившая до нескончаемых горьких слёз, мешала настраиваться на молитвенный лад. В то самое время, когда он, стараясь очистить себя от посторонних мыслей, готовился к чтению молитвы, обращая зов души к Богу, – на ум ему настойчиво лезли мысли о зубе, сбивавшие весь благочинный настрой.

Воспринимая все эти невыносимые страдания и муки то в качестве Божьей кары за свои прегрешения, то в качестве ниспосланного Им же испытания, юный Фабрис истово молил Творца убрать, если можно, его страшную боль или хотя бы ослабить её.

По глубокому внутреннему убеждению будущего врача, сформировавшемся уже в столь ранние годы, ни один человек на свете, каким бы чудовищем он ни был, пусть бы даже по светским законам его и следовало приговорить к смертной казни, просто не мог заслуживать того, чтобы у него болели зубы.

Небогатые родители долгое время не желали тратить на лечение молочных зубов своего измученного сына, полагая, что рано или поздно на смену этим зубам придут уже другие, и, стало быть, скромные семейные средства можно распределить на более важные потребности. Тем не менее, добрая матушка Фабриса, любящее сердце которой более не могло спокойно выносить этих ежедневных рыданий, всё-таки убедила мужа свести сына к единственному в тех местах кузнецу, живущему от них через дорогу.

Высокий, широкоплечий, косматый и всегда пребывавший в плохом расположении духа, кузнец относился к породе тех людей, которыми жестокие родители пугают своих непослушных чад. На редкость дурно пахнувший даже для этих веков и подобной глуши, этот человек любил прикладываться к бутылке, затевать ссоры и драки на пустом месте и сквернословил так, что от хрипа его басистого голоса начинали жалобно скулить собаки.

Зуб на него имели многие, но, вместе с тем, за неимением другого специалиста по целому ряду вопросов, а также зная его тяжёлый, вспыльчивый и злопамятный характер, люди обычно относились к кузнецу довольно-таки терпимо, предпочитая по возможности не трогать навоз, чтоб лишний раз не вонял.

В тот день, когда Фабриса привели к нему на «лечение», – кузнец был в неопрятной, пропотевшей, грубо штопанной и местами рваной рубахе с закатанными рукавами, поверх которой был надет заскорузлый кожаный фартук, с утра уже перепачканный чьей-то свежей кровью. Вполне справедливо полагая, что ждут его «плач и скрежет зубовный», несчастный ребёнок попытался спрятаться за спиной у отца, который, впрочем, тотчас же оттащил упирающегося мальчика навстречу страшному дядьке.

Подобрав привычным небрежным движением свои жуткие клещи прямо с земли, кузнец усадил перепуганного мальчика возле ног и, зажав его маленькую головку между своими большущими коленями, потянул волосатые грязные руки к крошечному детскому рту. Вскоре дюжий верзила принялся что было сил выворачивать мальцу челюсть, и тому оставалось лишь потерять сознание от боли, начав захлёбываться кровью.

Когда едва не погибшего малыша наконец привели в чувство, то оказалось, что усердный кузнец удалил ему вовсе не тот зуб. Причём – даже и не один...

...Позднее, когда в возрасте тридцати двух лет Фабрис достиг вершины искусства в своей врачебной науке, судьба привела одного престарелого человека к нему на приём. И этим человеком оказался тот самый кузнец, «*Denta per denta*» – «зуб за зуб». Но, впрочем, брат Фабрис никогда не принадлежал к числу тех людей, которые долго держат обиды, и в ходе своей работы старался не причинить посетителю боли и неудобств ровно настолько, насколько это вообще было возможно.

Испытав невозможные муки сам, Фабрис всеми силами души возжелал уберечь от них остальных, но, как гласит народная мудрость, «хоть и смелость важна – да умелость нужна». А приступая к любой практике, тем более – медицинской, будущему мастеру было необходимо предварительно овладеть определёнными теоретическими познаниями.

Единственным местом, где подобный ему человек неблагородного происхождения, небогатое семейство которого уже было вынуждено класть зубы на полку, мог получить образование, являлся монастырь. Куда его и без того влекла вера, позволявшая будущему монаху не только выжить, но и обрести себя в этой нелёгкой жизни.

В перспективе, помимо, собственно, знаний, необходимых каждому изучающему высокое искусство врачевания, монастырь мог обеспечить молодого монаха материалами, необхо-

димыми в его работе, и выделить если не помещение под мастерскую, то хотя бы келью, в которой он мог бы содержать свои записи и приборы в надлежащем порядке.

Но прежде всего требовалось получить на то согласие монастырского настоятеля, позволявшее осуществить задуманное в порядке особой формы послушания. А прежде чем испросить у аббата подобное разрешение, было необходимо подтвердить не только серьёзность своих намерений, но также и наличие соответствующих способностей.

Отсутствие врождённой гениальности Фабрис компенсировал усердным старанием в учёбе, высоким прилежанием в дисциплине и редким упорством в труде. В то время как многим прочим воспитанникам учение, казалось, давалось в разы легче (в особенности – некоторым отпрыскам знатных особ), Фабрис никогда не опускал руки и не сдавался, в конечном итоге не только догоняя, но и, в каких-то частностях, опережая всех остальных. И если монастырская аскеза и труд, вкупе с книжной мудростью, бывали для молодых людей в тягость, то юноша буквально шёл напролом, вцепившись зубами в цель, которую сам же и перед собой и поставил.

Несмотря на то, что, в общем и в целом, он не выделялся каким-либо особенным умом на фоне всех остальных и даже не входил в число лучших учеников монастырской школы, Венсан давно заметил за ним оригинальный ход мышления, высокую усидчивость и терпеливость, а также любовь к знаниям, умение следовать цели и веру в собственные силы, не превращавшуюся при этом в самоуверенность.

Предусмотрительный Мавр решил испытать полезность Фабриса, предложив тому для начала поработать в госпиталии – лечебнице при монастыре, где находилось рабочее место травщика и трудились наиболее сведущие в медицинской науке монахи, а также их молодые помощники, набравшиеся из числа послушников и добровольцев. В основном, местные эскулапы не стремились к углублённому освоению какой-либо частной области медицины, скорее занимаясь тем, чем придётся, и ведали о многом, но поверхностно.

В госпиталии время от времени лечились и сами монахи (в особенности – самые старые), но также туда приходили со своими проблемами обычные местные жители. Было немало и тех случаев, когда здесь оставляли пожилых и тяжелобольных горожан, которым был нужен постоянный и особый уход. Монахи не взимали плату за лечение, но, при этом, в массе были способны не столько по-настоящему лечить, сколько облегчать чью-то участь, обеспечивая человеку чистую постель, спокойный сон, еду и внимание.

Однако в отличие от лечения, которое могло быть оказано пришедшему за помощью на месте, содержание в госпиталии требовало особого разрешения настоятеля.

Коль скоро в госпиталии имелось не так много мест, чтобы, при всём желании, разместить всех желающих, монастырские лекари были вынуждены отсеивать пациентов по тяжести их болезней, отдавая большее предпочтение наиболее серьёзным случаям, при которых лишь их уход и искусство могли спасти человеку жизнь. Симулирующих дармоедов, желающих просто пожить на всём готовом, довольно скоро обнаруживали и, как следует проучив, изгоняли вразлей.

Время от времени травщик Иеремия или же сам Венсан Мавр могли взвалить на себя бремя по составлению особенно сложных рецептов, либо исцелению тех болезней, за которые не рискнули бы браться остальные. Но, к сожалению, ежедневные обязанности не позволяли им разорваться, занимаясь всем и сразу, в то время как ожидать их сноровки и знаний от прочих монахов, к сожалению, не приходилось.

Фабрис исполнял послушание с усердием, достойным самой высокой похвалы. Он не воротил нос от самой грязной работы, заботясь о вверенных ему больных, но в то же самое время горел желанием продолжать учёбу, не останавливаясь на уже достигнутом, и полагал, что способен принести куда большую пользу лишь в том случае, если только ему доверят врачевать зубные недуги.

Отрекомендовав аббату подающего особые надежды послушника, Венсан добился того, чтобы юноша получил в своё распоряжение отдельную мастерскую, заверив, что сам станет первым из тех, кого допустят к лечению. И если его ученик не справится, виноват будет только он сам. Продолжая внимательным образом следить за кропотливой работой Фабриса, Мавр то и дело оказывал ему значительное содействие, помогая то советом, то предметом, то хлопотами – в той мере, в какой это позволяла занятость самого Венсана.

Естественно, весь груз основной работы ложился на плечи самого Фабриса, но, так или иначе, без этой поддержки – фактической и моральной – он не сумел бы справиться, продвинувшись сколь-либо дальше. В особенности, на первых порах.

Впрочем, расположение Мавра и настоятеля вызывало особую ревность в других монахах, не говоря уже о послушниках, поэтому на каждое благое дело, как это водилось на белом свете испокон веков, находилась и своя пакость.

Работа его, и без того отягощённая привычным отношением ко всем, чей труд был связан с зубными болями, усугублялась ещё и досужими россказнями как о нём самом, так и о якобы практикуемых им методах. Будучи надуманными изначально, со временем эти байки имели тенденцию к дополнительному преувеличению и искажению.

У монахов «случайно» не оказывалось вещей и материалов, о которых он любезно, но настойчиво их просил; братья всегда, или почти всегда, оказывались слишком занятыми, чтобы оказать ему ту или иную посильную услугу, о которой он заранее хлопотал; а от представленных к нему помощников выходило намного больше вреда, нежели пользы.

Нельзя, впрочем, сказать, что подобного поведения придерживались поголовно все: кто-то действительно, время от времени, содействовал ему, благословляя от всей души его благие начинания, а кто-то считал нецелесообразным портить отношения с человеком, от действий которого в дальнейшем могло зависеть состояние собственных зубов.

Вынужденный одновременно осваивать многочисленные аспекты различных наук и ремёсел, способных так или иначе подсобить в его нелёгком и благородном, пусть даже и неблагодарном, деле, Фабрис подходил ко всему со стратегической осмотрительностью.

Естественно, не будь он в совершенстве обучен грамоте, было бы решительно невозможно не только вести собственные исследования, но даже и обрести те знания, которыми до него обладали другие.

В то же самое время работа с трудами древних и иноземных врачей, как минимум, подразумевала изучение тех языков, которыми они пользовались в своих работах, коль скоро составленный перевод не всегда был способен передать точную суть оригинала. А в случае медицинской практики – любая неверно понятая фраза (допустим, при составлении рецепта) могла стать причиной весьма печальных последствий.

Эта часть обучения давалась Фабрису в особенности трудно, поскольку незаурядными талантами в освоении языков (как, впрочем, и в математике) он не обладал; но, действуя не гениальностью, так упорством, он всё-таки постигал науки в меру своих способностей.

Позднее познания в растениях и травах позволили монаху выпросить у травщика участок для выращивания необходимых в его работе ингредиентов, впоследствии, при помощи познаний в алхимии, ухотивших на создание зубных эликсиров, пломбирующих смесей, лекарственных порошков, мазей и паст для лечения зубов и дёсен, а также особых дурмящих пилюль, призванных успокоить разум и ослабить зубные боли.

Хотя, конечно же, для изготовления всего вышперечисленного требовались не только обычные растения и травы, иногда имевшиеся в избытке, но и прочие, подчас куда более редкие и сложные составляющие, часть которых если и не производилась в самом монастыре, то приобреталась у местных купцов. В особых случаях монаху приходилось седлать осла и отправляться на самостоятельные поиски необходимых компонентов.

Полученные эликсиры бережно хранились им в пузырьках, мази, пасты и смеси – в небольших горшочках, пилюли и порошки – в кожаных мешочках и шкатулках.

Помимо всего прочего, ему было проще самостоятельно изготовить необходимые инструменты, чем долгое время объяснять кузнецу и другим мастерам, чего же он, в конце концов, от них хочет. К таким инструментам и приспособлениям относились различные «сверлица», «пилочки», «ковырялочки», «прутики», «щипчики», «клещики», «молоточки» и прочие, весьма необычного вида, приборы, среди которых, к примеру, встречались небольшие и гладко отполированные медные зеркала с ручками.

Для тех случаев, когда ему предстояла работа вне стен мастерской, он потрудился изготовить особые перстни, с приделанными к ним шипами, которые вынуждали пациента держать свой рот открытым, при этом не позволяя ему кусать врача за пальцы. Правда, к добру или к худу, использовать подобное изобретение ему приходилось крайне редко.

Место для проведения лечения было выбрано Фабрисом не случайно, но именно с учётом оптимального положения источника света в мастерской относительно положения пациента. В то же самое время брат Фабрис разработал специальное кресло, рассчитав наиболее оптимальное расположение больного относительно врача, при котором первый мог находиться в удобном для него положении, а второй – иметь полный доступ ко всем зубам. Сочетание двух этих факторов позволяло ему лучше видеть рот и зубы больного, при этом не причиняя тому лишней боли и добываясь лучших результатов при меньших затратах сил.

Кресло самым предусмотрительным образом включало в себя приспособления для удержания рук и ног пациента во избежание всевозможных брыканий, ударов и хватаний с его стороны, а также – приспособления для фиксации головы, во избежание её ненужных вращений, и специальный «размыкатель», препятствующий закрытию рта перепуганного пациента. Данный «размыкатель» обладал весьма богатым выбором вариантов фиксации перемычек, вынуждавших пациента, по мере особой необходимости, открывать рот шире.

Для особенно впечатлительных посетителей существовало и некое подобие шлема, с одной стороны оставлявшего эскулапу свободный доступ ко всем зубам и, вместе с тем, закрывавшего пациенту обзор на самого врача, его страшные инструменты и, собственно, комнату.

Вблизи рабочего кресла располагались столик и шкафчик со всем необходимым в тяжёлой работе зубного лекаря, а в довершение ко всему здесь же находились жаровня, на которой всегда можно было что-нибудь сварить или разогреть, рукомойник и жуткая педальная машина для зубного сверления, внешне напоминая ножную самопрялку.

Стоит ли говорить, что общий вид подобного помещения скорее уж напоминал несведущему человеку пыточные казематы Святой Инквизиции, где для полного сходства не хватало лишь клеток и настенных креплений для пут, нежели рабочее место врача?

Мало того, что многие и без того испытывали суеверный страх даже от одной лишь мысли о зубном лечении, а тем, кто приходил в это место, становилось особенно жутко уже прямо с порога, какой-то шутник однажды оставил надпись на двери снаружи – «*Hic sunt dracones*», что означало – «Здесь водятся драконы».

Дурная шутка во многом лишалась смысла ещё и потому, что подавляющее число посетителей не относилось к грамотным людям и, следовательно, не умело читать – тем более на латыни. Однако сам факт её появления говорил о том, что это, вероятнее всего, является делом рук кого-нибудь из своих: грамотного облата или даже монаха.

К сожалению, даже несмотря на накопленный опыт веков, Фабрису фактически приходилось постигать всё с нуля, открывая для себя всё то, что было создано и утрачено ранее, либо хранилось в строжайшей тайне от посторонних, а то и просто не приходило в голову кому-либо ещё.

Естественно, что среди многочисленных древних греков, римлян, арабов, евреев и египтян встречались и те, кто, среди всего прочего, уделял внимание и вопросам зубной медицины. Но, тем не менее, даже обладатели известных имён, прославившиеся в иных областях и науках, подчас советовали жуткий вздор – вещи, представлявшие молодому монаху бессмысленными, жестокими, совершенно непрактичными, а порой и смертельно опасными.

К подобным советам, например, могло относиться втирание в зубы собственных экскрементов, полоскание рта мочой, поедание пепла сожженной мыши, многочасовое сидение с широко открытым ртом на голодный желудок, а также употребление настоя из мухоморов «вплоть до полного умерщвления зубного червя».

Тем не менее, в трудах врачей древности порой попадались и дельные, очень ценные рекомендации, но, к сожалению, врачи общей практики почти не уделяли особого внимания вопросам лечения зубов, а сохранившиеся и дошедшие до рук Фабриса тексты представляли собою лишь маленькие капли из бескрайнего неизведанного моря, которое ему предстояло преодолевать вплавь.

В старину уже существовали люди, практиковавшие припарки и вскрытие больных дёсен; фиксацию шатающихся зубов при помощи золотой или серебряной проволоки; наложение шин при восстановлении раздробленных челюстей; употребление белены и опиума для снижения чувствительности зубов и дёсен; создание штифтов для крепления искусственных зубов, вырезанных из древесных пород и слоновой кости или отлитых из золота; изготовление обеззараживающих эликсиров для ополаскивания и заживления на основе квасцов и масла или соли, перца и уксуса; удаление зубов, предварительно расшатанных посредством постукивания небольшого молоточка по маленькому кольишку; изготовление золотых коронок и пломб, а также пломбирующих смесей на основе мёда и воска; чистку зубов с использованием верблюжьей колючки и мисвака; прижигание десны калёным железом для убийства нерва; и, наконец, вживление как ранее удалённого, так и чужого зуба – не только человеческого, но также волчьего, собачьего, свиного или просто искусственного.

Но, тем не менее, несмотря на все их явные и немаловажные старания, говорить о сколь-либо значительных успехах, к сожалению, не приходилось: в большинстве данные методы не отличались особой надёжностью, поэтому, например, зубные протезы нельзя было назвать долговечными, а вживлённые зубы вскоре выпадали. Главная же опасность таилась даже не тут, а в самой антисанитарии, сопровождавшей весь процесс от начала и до конца, в результате чего подобная пересадка, сама по себе болезненная, могла привести ещё и к заражению крови у пациента...

Учитывая ошибки людей прошлого, Фабрис весьма долгое время учился на чужом опыте. Но он, как ни крути, не мог в полной мере заменить ему отсутствие собственного. Для того чтоб подбить орла, охотник тренируется на воронах. Для того чтоб приступить к удалению и лечению зубов у людей, нужно было начать обучение на зубах животных.

Для монахов, как и для прочих лиц, наблюдавших со стороны, эта практика могла показаться, по сути, актом бессмысленной жестокости, выдающей в нём скорее живодёра, чем лекаря. Что лишь подогревало недоброжелательность вокруг его персоны.

Тем не менее, со временем Фабрис всё-таки набил руку, стараясь как можно лучше и безболезненнее удалять животные зубы. Но даже и освоив подобное ремесло назубок, ему по-прежнему ещё лишь предстояло испытать своё мастерство на людях. Начиная, как это ранее было оговорено, с Венсана Мавра.

В тот знаменательный день поглазеть на экстракцию зуба собрался весь монастырь, и те, кто не смог уместиться внутри, толпились за порогом, пытаясь что-либо рассмотреть, поднимаясь на цыпочках за спинами товарищей. Естественно, подобное положение дел не только сбивало рабочий настрой, но также и просто мешало работе во всех отношениях.

Однако Фабрис понимал, что именно здесь и сейчас он должен был всем доказать, что вся эта долгая подготовка не прошла для него даром.

Внимательно наблюдали они за тем, как держит он свои странные инструменты на горячем пару. Как тщательно моет руки свои в заранее заготовленном медном тазу. Как даёт своему отважному наставнику эликсир для ополаскивания рта. Как затем, заверив, что постарается применить все старания, чтобы свести неудобство к наименьшему из всех возможных, неспешно и осторожно приступает к своему делу.

В силу ли железного характера Венсана, либо мастерского искусства Фабриса, а, быть может, того и другого сразу, – за всё время работы молодого монаха Мавр не издал ни звука, а на лице его не возникло и единого намёка на сколь-либо серьёзную боль.

По завершении работ – Фабрис в очередной раз протянул своему учителю зубной эликсир, велел прополоскать им рот для ускорения естественного процесса заживления ранки, а затем – с усталой улыбкой продемонстрировал всем извлечённый зуб мудрости, придерживая его зубными щипцами.

Начиная лишь с этого момента, аббат Исидор окончательно допустил Фабриса к зубоврачебной работе, приказав всем и каждому оказывать зубному мастеру, теперь уже официально наделённому соответствующими правами и полномочиями монастырского врача, надлежащее содействие.

С первых же дней его практики люди повалили к нему толпой, поскольку, так или иначе, иных нормальных специалистов подобного рода в округе просто и не было. И с этих самых пор Фабрис приобрёл в народе своё необычное прозвище.

Внимательно следивший за надлежащей чистотой своих инструментов и верным расположением препаратов, он так и не смог найти общий язык с молодыми непутёвыми послушниками, определёнными аббатом ему в помощь и обучение. Эти люди оказались поистине неспособными осознать всю важность поддержания порядка в рабочем помещении. Они были неспособны запомнить принцип расположения и место, отведённое Фабрисом для каждой вещи. Да к тому же ещё – то и дело роняли по неосторожности инструменты и разбивали сосуды с весьма ценным содержимым, на изготовление которого ушли долгие дни сборов и приготовлений. При этом юные помощники не понимали ни сути работы, ни смысла отдельных действий.

Впрочем, всё это было преодолимо, но определяющим фактором стало не это: в их глазах просто не было огня. В них не было той искры, которая делает человека в хорошем смысле больным и одержимым своим ремеслом.

Отличительной чертой гения, в какой бы то ни было области, являлась готовность посвятить всю свою жизнь служению единожды выбранной цели. При том обязательном условии, что, наметив цель, которой человек посвятил всю свою жизнь, он действительно трудился над её достижением в поте лица.

Фабрис горел и жил двумя вещами: на первом месте для него всегда была религия, а на втором – лечение зубных болезней. Для этих же послушников монастырская жизнь представляла собой доступ к образованию и возможностям устроиться в жизни вообще, а в том, что касалось медицины, они и вовсе были вынуждены заниматься тем, что не было им ни приятно, ни интересно. Не осуждая и не переубеждая их в чём-либо, брат Фабрис дипломатично заверил помощников, что вполне справляется на своём рабочем месте один, в то время как присутствие лишних людей в его и без того крохотной мастерской лишь создаёт для него неудобства. Посему он намерен поручать им наиболее простые и суетные задания, ранее отвлекавшие его от более важных дел. Такие, как поход за покупками или выход в лес за сбором самых распространённых ингредиентов. В то время как уборку помещения, не говоря уже о чём-либо большем, он по-прежнему решил оставить за собой. Возражений, как и ожидалось, не возникло.

Тем временем изобретательская деятельность зубного врача по-прежнему не стояла на месте. Используя влияние на аббата, сначала он обязал монахов к ежедневному использованию изготовленных им эликсиров и зубочисток; но, не желая останавливаться на достигнутом, соорудил специальные «зубные кисточки», состоявшие из костяных (или, на худой конец, деревянных) ручек и животных волос (кабаньей щетины, барсучьей или ослиной шерсти, и тому подобного); однако позднее, несколько изменив форму кисточек, уже предложил и «щёточки», полезные для очистки зубов от налёта и остатков пищи, а также для массажа дёсен, требуя ввести ежедневное использование и их. Потом ко всему этому присоединились и морские губки-бадяги, которые он использовал и ранее, но только не для очистки зубов, а для создания мазей для обезболивания и остановки кровотечений.

А затем, проявляя внимание и заботу не только к людям, он соорудил специальные крупные щётки, предназначенные для чистки ослиных зубов, и, продемонстрировав всем наглядно, как именно надлежит ухаживать за ослиными ртами, во избежание повреждений и травм зубов и дёсен, вверил данную ежедневную обязанность послушникам.

Поскольку монахи, постоянно проживавшие в монастырских стенах, естественным образом были вынуждены обращаться к нему за помощью чаще, чем кто-либо ещё, при этом, согласно прямому распоряжению аббата, раз в месяц ещё и проходя обязательные осмотры, Зубник решил завести восковые скрепки зубов каждого из них. В дальнейшем же эти скрепки были использованы им при составлении так называемого «формулярия» – тетради с рабочими заметками и записями о состоянии зубов сначала каждого из монахов, а позднее – и часто проверяющихся облатов, и просто местных жителей.

Скопив немалую коллекцию зубов животных и людей, – он принялся раскладывать их, сортируя, зарисовывая и изучая, в то время как за спиной о нём уже шептались как о ненормальном, который раскладывает зубы по полочкам и коробочкам, выстраивает их рядами, разговаривает с ними и даже даёт имена.

В каком-то грубом и весьма упрощённом отношении можно было бы сказать и так, но, на самом же деле, в этот момент в стенах аббатства зарождалась серьёзная зубная классификация, которая должна была позднее лечь в основу фундаментального труда.

При составлении так называемых «зубных формул», Зубник активно использовал математический принцип, сводивший краткое описание зубных систем людей и животных к специальным числовым и буквенным обозначениям. Каждая латинская буква обозначала зубы, относившиеся к определённой категории, а следовавшие далее цифры обозначали точное количество пар зубов данной группы у данного вида живых созданий, выводя зубы из верхней челюсти в числитель, а зубы из нижней – в знаменатель. Далее он разделял челюсти, в которых для него был заложен целый мир, на четыре части, подобно четырём частям света, и, дав числовое обозначение для каждой из «частей света», нумеровал все зубы, располагавшиеся в данном «регионе», от первого до восьмого.

Таким образом, к примеру, второй «северо-восточный» резец числился в данной «части света» под вторым номером, в то время как зуб мудрости там же – под восьмым.

Фабрис не обладал каллиграфическим даром. Даже более того, манера его письма оставляла желать лучшего, представляла собой ещё ту неразборчивую каракулю. Хотя, в то же самое время, это просто могло быть его очередным изобретением – неким особым врачебным шифром, тайна которого была надёжно сокрыта от непосвящённых.

Фабрис не обладал особым красноречием, а его манеру выражать мысль никак не могли назвать лаконичной и увлекательной.

Не обладал он и литературной плодовитостью Венсана. Но, тем не менее, он всё-таки взялся за написание своего фундаментального трактата, носившего простое и ясное название «О болезнях зубных».

Начинавшийся с рабочего кредо Фабриса, «Всяк, зубною болью страдающий, да исцелён от неё будет!», его трактат, по сути, представлял собой первую проработанную классификацию различных видов человеческих и животных зубов, зубных и челюстно-лицевых болезней, и методов их лечения, с приложенными к ним зарисовками (не ахти какими, но уж какие он сумел изобразить) и многочисленными примерами из богатого личного опыта врача-терапевта.

На протяжении всей своей жизни Зубник дополнял этот трактат. Пусть может и не очень учёно и красиво, но уж так, как мог, собирая в нём сумму знаний, накопленных за свою практику, в надежде, что проделанная им работа не пропадёт понапрасну и его труд когда-нибудь сможет стать подспорьем в работе новых энтузиастов.

Вместе с тем, помимо собственно практических замечаний о прикладных вопросах своего ремесла, Фабрис делился и своими идеалистическими взглядами на работу зубного врача-терапевта, передавая сумму личностных убеждений вообще вкупе с размышлениями, предположениями и догадками.

Не обходил он стороной и некоторые вопросы теоретического характера, давая на них пусть и довольно необычные, но вполне характерные для его манеры ответы.

К примеру, он размышлял о том, почему у людей поначалу должно вырастать не более двадцати предварительных зубов, чтобы те, со временем выпав, позднее сменились тридцати двумя постоянными.

О том, почему идеальное число зубов соответствует тридцати двум, что ровно на одну цифру выше максимального количества дней в месяце, и, в то же самое время, на одно число меньше количества земных лет Спасителя.

О том, почему он наблюдает в зубах единовременный символ скоротечности времени, смерти, возрождения и жизни.

О том, почему двух совершенно одинаковых зубов не встретить и в одной челюсти, коль скоро даже те из малых сих, что занимают симметричное положение и выполняют одинаковую функцию, находясь по разным концам единой челюсти, обладают либо двумя корнями, напоминаящими ему о двойственной природе Спасителя, либо тремя корнями, напоминаящими о догмате Троицизма, в то время как восьмые зубы, порой обладающие четырьмя корнями (что есть суть число евангелистов и знак особой гармонии), появляются в особое время.

О том, почему молочные зубы соотносятся в его представлении с Заветом Ветхим, в то время как коренные – видятся ему Заветом Новым, а порча и выпадение зубов соотносится в его понимании с искажением, вызванным ересью и впадением в грех.

О том, как он соотносит религию и медицину, полагая религию суть медициной, цель которой заключена не во врачевании плоти, но во врачевании духа от болезни греха, а главными же её инструментами являются вера и разум, дополняющие друг друга в гармоничном единстве.

О том, как богословие и философия видятся ему двумя челюстями, позволяющими раскусить прочную скорлупу неверия, обнажив под ней плод Истины.

Ну, и о многом другом.

Фабрис предполагал, что зубы, будучи долгое время неочищенными, заболевают, начиная выдавать особый зубной яд, который, будучи поглощённым вместе со слюной, отравляет тело и служит причиной если и не всех, то многих прочих болезней, даже и помимо зубных.

Венсан Мавр, время от времени находя подходящее время, читал и перечитывал стабильно появляющиеся главы сего трактата, периодически оставляя в тексте и на полях свои замечания.

Тем временем остальные монахи, наблюдая за странностями молодого энтузиаста, довольно ясно и недвусмысленно делились с аббатом опасениями о том, что Фабрис уже вконец сошёл с ума.

– Этому – можно, – снисходительно замечал им настоятель, возвращаясь к своим повседневным обязанностям.

С раннего утра и до позднего вечера к Фабрису, не только как к единственному, но и как к лучшему мастеру в здешней округе, стекались целые толпы людей, занимавших огромную очередь. Многие из них, прослышав о его мастерстве и сноровке, приезжали даже из других городов, порой отдалённых.

Нищие и знатные, молодые и старые, христиане и иноверцы – все, кто приходили к нему с жалобой на больные зубы, могли рассчитывать на его добросовестную помощь.

– Больно не будет, – стараясь успокоить, каждый раз заверял он. И хотя, иной раз, несмотря на весь состав обезболивающих средств и искусство врача, какая-то боль всё равно ощущалась, – Фабрис делал всё для того, чтоб свести её к минимальной. И, надо сказать, никто всё равно не сделал бы лучше – и просившие об этом знали.

Ни с одного из них Фабрис не брал плату, но если кто-нибудь из больных проявлял похвальную настойчивость в желании отблагодарить своего врача, – тот отпускал его с благословением, попросив подать встречному нищему милостыню, тем самым не только совершая благое дело сам, но и позволяя совершить его другому.

Впрочем, нередко находились и те, кто, получив то, за чем приходили, спокойно уходили восвояси, не отблагодарив его даже добрым словом. Монах воспринимал это всё со спокойной душой, благословляя каждого, кого послал ему на жизненном пути Господь.

При этом особый подход у него был и к детям – в особенности к тем, кто обитал в монастыре регулярно, проходя обучение в школе. Обычно, чтобы отвлечь малого ребёнка от страшных мыслей, он обещал подарить ему одну из тех игрушек, которые до этого вырезал из дерева, – при обязательном условии, что тот станет вести себя хорошо.

Когда ребёнок, не испытавший особых мучений при удалении или ином лечении зуба, за стойкость свою бывал удостоен обещанной награды, то, случалось и такое, что затем этот малыш расшатывал себе зуб и в следующий раз спешил специально за новой игрушкой.

В том случае, когда у ребёнка выпадал молочный зуб, – монах дожидался, когда юный школяр уснёт и, как можно тише прокравшись в домиторий в тот час, когда все дети спят, оставлял под его подушкой монетку.

Пытаясь приучать своих посетителей к соблюдению элементарных норм гигиены полости рта, Фабрис научился оценивать человека по первому взгляду, подбирая к нему свой подход и, если нужно, весьма красиво заговаривая ему зубы.

К примеру, обычный сельский невежда, скорее всего, отмахнулся бы, от лени или глупости наплевав на соблюдение всех озвученных предписаний, если Фабрис прочитал бы ему серьёзную лекцию о налёте и зубном камне. Но этот же самый человек мог стать сама серьёзность и исполнительность: всего лишь стоило напугать его до беспометства всевозможными жуткими историями о «страшных бесах зубных», а затем, в подробностях объяснив, какими именно ритуалами их надлежит отгонять, вручить «благословенную и чудодейственную кисточку» вместе с «пузырьком освящённого эликсира».

Естественно, в тех случаях, когда и то и другое имелось в наличии в достаточном объёме. А чем выше становилась известность зубного врача, – тем больше людей приезжало к нему на приём, и, стало быть, тем меньше времени оставалось на создание новых щёток (к которому он постепенно подключил своих немножечко поднаторевших помощников) и написание трактата.

Вместе с тем подобная широкая популярность, как и подозрительные разговоры о «бесах зубных» и «ритуалах по их изгнанию», вызывали известного рода интерес в среде определённых лиц, что явно не могло быть хорошим признаком. Но, тем не менее, даже и эти лица иной раз обращались к Фабрису за помощью.

Вообще среди его пациентов порой встречались весьма могущественные фигуры: не просто состоятельные люди и городская знать, но также и различные графы, епископы и, пару раз, даже августейшие особы. Естественно, в подобных случаях скромный монах пусть и нехотя, но всё-таки откладывал свои повседневные дела и заботы и, вместо того чтобы с большей пользой потратить то же самое время, уделив его многим, был вынужден отправляться в путь, дабы излечить одного. Впрочем, в каких-то случаях и это могло играть особую роль.

Монах неизменно получал сердечное приглашение остаться при дворе, заслуженно обретя высокий оклад, известность, титул, а с ними имя и вес в политических кругах, но, выбирая между преходящей мирской славой и вечным долгом веры, неизбежно выбирал второе, озвучивая свой отказ в достаточно мягкой, но категоричной форме. Тем не менее, сильные мира не желали оставлять своего благодетеля без какой бы то ни было награды, – хоть бы и затем, чтобы о них самих в дальнейшем не поползли по миру некрасивые слухи.

Фабрис использовал эту возможность с умом, применяя благоволение сих высоких особ для оказания помощи конкретным людям, добиваясь помилования, либо, по крайней мере, смягчения приговора для осуждённых на смерть или каторгу, поддержки голодных и осуществления прочих благих дел.

Впрочем, он знал, когда у сильных мира сего уместно просить о многом, а когда было бы разумнее упомянуть лишь о малом, не заигрывая с огнём.

Ведомыми лишь Богу путями, народная молва нарекла Святого Христофора, среди всего прочего, покровителем зубных врачей и защитником от болезней зубных ещё задолго до рождения брата Фабриса.

Надо сказать, подобная связь не казалась очевидной даже и для людей, имевших общее представление о биографии этой удивительной личности. Также как, например, история о победе Святого Папы Сильвестра I над морским чудовищем и праздник в его честь, связанный даже не с морем, а с курицами.

Хотя, с другой стороны, эта странность дополняла и без того необычный образ святого, изображавшегося то в виде косматого великана, переходящего бурную реку со святым младенцем на могучих плечах, при этом опираясь на дерево-посох, то в виде воина-копейщика с собачьей головой. Но с тех самых пор, как в стенах аббатства Святого Христофора объявился зубоучитель, – все усмотрели в этом некий знак свыше.

Так, на протяжении долгих лет, в аббатстве протекала спокойная и мирная жизнь, пока к высоким воротам, за которыми, словно трудолюбивые пчёлки, исправно трудились монахи, не прибыл гонец из Рима.

Глава II, Повествующая о дорогах, ведущих в Рим

В любые времена и в любом месте люди всегда были охочи до вымыслов. Местные не были исключением, поэтому весть о том, что Фабрис Зубник отправляется врачевать не абы кого-нибудь, а прямо-таки самого Папу Римского, тотчас же облетела округу, вызвав досужие споры и пересуды. На самом же деле, хотя подобная возможность не исключалась и самим Фабрисом, ситуация представлялась ему не столь очевидной.

Во-первых, несмотря на прямое поручение Папы, потребовавшего от двух монахов безотлагательно явиться в Рим, причина подобного внимания так и не была им озвучена.

Во-вторых, надо было полагать, что даже и для зубного врачевания Папе было бы куда проще использовать именитых римских лекарей, не дожидаясь нескорого прибытия кого-то из чужестранцев.

И, наконец, в-третьих, на первом месте в послании значилось имя Венсана Мавра, а не Фабриса Зубника, что лишь создавало дополнительные вопросы.

Надо сказать, что некоторые взгляды и предположения, высказываемые Венсаном, являлись не вполне характерными для человека его эпохи и окружения. Многие из этих воззрений, не только не почитавшихся еретическими, но даже подкреплённых весомыми аргументами и ссылками на авторитетных мужей, скорее бы обрели широкое понимание на ортодоксальном Востоке, а не католическом Западе.

Несомненно, помимо естественных склонностей ума самого Мавра, сыграло свою роль и его пребывание на Востоке в пору бурной молодости, когда он впервые осознал своё предназначение, обретя себя в вере. Но, вместе с тем, его расставанию с Западом, столь далёким от его убеждений по духу, препятствовал тот факт, что здесь, в родных краях, находилась его паства, которую он просто не мог оставить на произвол судьбы, лишив пастырского окормления.

И если по каким-то вопросам у него встречались разногласия даже с собственным настоятелем, то среди представителей других монашеских орденов, а также и папского окружения, он нашёл себе немало недоброжелателей.

Признавая за орденом бенедиктинцев былую праведность, а также определённые заслуги в сохранении, систематизации и преумножении накопленных за века знаний, он ставил в упрёк его нынешним представителям фактический уход от жизни по уставу, учреждённому святым основателем ордена – Бенедиктом Нурсийским.

В частности, высоко оценивая выдающиеся заслуги бенедиктинского архиепископа Ансельма Кентерберийского, и глубоко уважая его как человека, Венсан, вместе с тем, не почитал его святым, невзирая на канонизацию.

Мавр полагал святость Франциска Ассизского не иначе как мнимой, будучи о нём не лучшего мнения. При этом он в корне не соглашался и с большинством специфических учений францисканцев.

Не принимал он и убеждений Иоанна Дунса Скота, почитаемого францисканцами наиболее авторитетным схоластом, прозванным за свой пытливый ум «Доктор Тонкий»: например, воззрений Иоанна касательно непорочного зачатия самой Девы Марии, с воодушевлением принятого францисканцами. Хотя в целом, как к личности, относился к нему скорее положительно и даже сходил с ним в каких-то частных взглядах.

Из уважаемых им членов францисканского ордена также можно было выделить Роджера Бэкона и Вильгельма Оккамского, воззрения которых, отличавшиеся резкими чертами от его собственных, всё-таки оказали на Мавра некоторое влияние.

Вместе с тем, испытывая касательно отдельных действий данного ордена не самые светлые чувства, Венсан считал гонения и казни францисканцев, обрушившиеся на них после про-

возглашения орденом нищеты в качестве определяющего критерия праведности, в высшей степени несправедливыми.

При всём его уважении к отдельно взятым доминиканцам, таким, как, например, Фома Аквинский или Альберт Великий, он, тем не менее, имел немало претензий как к самому ордену в целом, его деятельности и учению, так и к отдельным представителям, в частности.

Джироламо Савонарола вызывал у него весьма неоднозначные чувства, в большей степени – скорее всё-таки негативные, в то время как Фома Аквинский, пусть даже и вызывавший у Мавра уважение, был далеко не святым в его представлении. А целый ряд предположений доктора Аквинского и вторивших тому доминиканских схоластов виделся для него совершенно неприемлемым.

Так или иначе, признавая за орденом ряд благих достижений, Венсан отмечал, что выражает солидарность с перипатетиками доминиканского и бенедиктинского орденов в значительно большей степени, чем с францисканцами.

Но даже и эта «солидарность» была лишь каплей согласия в море расхождений.

Аналогичным образом отношения Венсана Мавра как с прочими монашескими орденами, в частности, так и с Римско-Католической Церковью в целом – были довольно сложными, поскольку, по глубокой убеждённости учёного монаха, последние праведные Папы и кардиналы жили (и это – в лучшем случае) ещё задолго до Великого Раскола.

Вместе с тем, вынужденно признавая власть сильных мира сего, подобному тому, как христиане первых веков признавали мирскую власть языческих императоров, он, так или иначе, полагал, что Запад – это не только погрязшие в пороке Папы, кардиналы и лица, к ним приближённые.

Запад – это ещё и несметное множество различных мирян, рядовых священников и нищенствующих монахов, которые не могут быть в полной мере виноваты в поступках, продиктованных их заблуждениями, ибо обмануты и нуждаются скорее в поддержке и наставлении, чем в повальном осуждении и порицании.

И если неграмотным и, как следствие, совершенно не разбирающимся в различных исторических, естественнонаучных, философских и богословских вопросах людям были свойственны, в силу невежества, пороки и заблуждения, порождённые простотой их ума, то людям высокой учёности расставляли свои сети и капканы пороки и заблуждения уже иного, более изощрённого рода. Так или иначе, что первые, что вторые пусть и следовали разными тропами, но одинаково сворачивали с пути истинного в бездонную пропасть.

Тем не менее, Венсан был не первым и далеко не последним человеком в истории, который был вынужден жить и, если надо, то и выживать в чуждом ему окружении.

Джироламо Савонарола, известный реформатор и ретивый изобличитель, открыто воевал с властью Папы, не желая принимать от него ни богатства, ни кардинальский сан, при этом пользуясь всеобщим уважением и рьяно проповедуя во Флоренции.

Кардинал Николай Кузанский, разработавший теорию, согласно которой Земля и Солнце находятся не в центре Вселенной, смена дня и ночи связана с вращением Земли вокруг своей оси, а на других планетах могут обитать другие Божьи создания, отстаивал принципы веротерпимости, среди прочего, полагая за исламом определённую долю истины и право на существование, что выглядело в глазах его современников в высшей степени странным. И это – в лучшем случае.

Монах-изобретатель Роджер Бэкон, справедливо считающийся предтечей Леонардо да Винчи, посвятил свою жизнь созданию различных изобретений, наподобие пороха, очков и домкрата, и составлению фундаментальных трактатов о летающих, плавающих и едущих конструкциях, всю значимость которых сумели осознать в полной мере лишь по прошествии многих веков. При этом Бэкон враждовал с сильными мира отнюдь не из-за своих изысканий как таковых, но в силу убеждений, носивших идеологический характер.

И список этот можно было бы продолжать ещё довольно долго.

Вместе с тем, не отрекаясь от собственных взглядов и убеждений, Венсан не лез на рожон и вёл осмотрительную проповедь, что было продиктовано отнюдь не малодушием, но происходило из принципов, которых он придерживался.

А сильные мира сего, знавшие о Венсане Мавре и его воззрениях, прежде всего не видели в нём реальной угрозы своему благополучию – в отличие от, например, действий и проповедей того же Савонаролы или миноритов. В конце концов, насущных бедствий и угроз, масштабных и очевидных, хватало с избытком и без него, и, вместе с тем, немалая польза, которую мог принести Венсан, позволяла закрывать глаза на его чудачества.

Естественно, хотя в ту пору уже существовали профессора и магистры, доктора и доценты, защиты диссертаций, академии, факультеты и кафедры, среднестатистический учёный, как правило, представлял собой монаха, который разбирался пусть и во многом, но, в силу доступных ему источников информации и возможностей для исследования, весьма поверхностно. Но уже и тогда настоящие полиматы, «универсальные личности», люди разносторонних глубоких познаний, сумевшие добиться заметных успехов на самых различных поприщах, не были чем-то совсем уж из ряда вон выходящим.

Принадлежал к ним и Венсан, которого, время от времени, привлекали к тем или иным делам в качестве компетентного специалиста, будь то изучение «драконьих костей», случайно обнаруженных во время археологических раскопок, консультации по вопросам истории и экзегетики, исследование и перевод редких рукописей, и прочие всевозможные задачи, требовавшие от исполнителя светлой головы и ясного ума.

Но в данном конкретном случае напрашивались очевидные вопросы: если дело, по которому Папа вызывает Венсана, касается чего-либо подобного, то зачем ему, в таком случае, мог потребоваться Фабрис? И в то же время, если дело, по которому Папа вызвал Фабриса, связано с лечением зубов, – то зачем ему понадобился Венсан?

Как бы там ни было, но приказ есть приказ, поэтому монахам в любом случае не оставалось ничего иного, кроме как седлать ослов и собирать поклажу. В большинстве, как уже было понятно, состоявшую не из скромных пожитков неприхотливых монахов, но из полевого зубоврачебного набора Фабриса.

Разумеется, Зубник не мог взять с собой в дорогу целую лабораторию, с креслом и жаровницей, но, понимая, что его ожидает встреча со столь высокой персоной, счёл не лишним перестраховаться. Забрав всё, что только можно было водрузить на несчастных животных, которыми, помимо этого, предстояло пронести на себе ещё и седоков, Фабрис решил, что поедет на Доминике, в то время как Венсан присмотрел Бенедикта, однако, к немалой неожиданности для монахов, вскоре нашёлся ездок и для Франциска.

И этим человеком оказался Гауденций Скиталец, получивший своё имя в честь Гауденция Брешийского, а прозвище – из-за любви к странствиям, которым он посвятил много времени без какой-либо конкретной цели, кроме, как он говорил, «поиска себя». Впрочем, было у него и иное прозвище, которое старались не использовать в его присутствии: «Доктор Толстый», по аналогии с «Доктором Тонким».

Учёный муж в шапероне и чёрной мантии, носивший при себе увесистую золотую блоховку, инкрустированную драгоценными камнями, был настолько суров и важен, настолько горд и надменен, что даже ослы смотрели на него с нескрываемым почтением, признавая в Гауденции, как минимум, равного.

И если бы только одна из дочерей человеческих, вопреки установленным законам естества, понесла бы вдруг от медведя, – появившийся на свет ребёнок имел бы в себе все характерные признаки сего почтенного мужа. Не обделённый не только умом, но и силой, он выглядел довольно устрашающе, вместе с тем отличаясь некоторой неуклюжестью и гротескностью в чертах.

Знающие люди утверждали, что Гауденций порой развлекался на радость многим зевакам тем, что гнул подковы, ломал связки прутьев, отламывал бычьи рога, а также, без каких-либо особых видимых усилий, заплетал гвозди косичками и даже потом выпрямлял их. Помимо этого о нём рассказывали и то, что он отличается поистине феноменальными познаниями и, например, способен рассказать наизусть «Илиаду» Гомера, или, услышав случайную фразу, просто и спокойно пересказать её по буквам задом наперёд.

В общем, говорили о нём довольно многое и, если верить всему, получалась весьма занимательная картина. Он знал названия всех растений, включая и те, которые никогда и нигде не росли. Умел говорить на всех языках мира, даже на тех, на которых никто, нигде и никогда не разговаривал. Разбирался во врачевании всех болезней, в том числе и тех, которыми никто, нигде и никогда не болел. Перечитал и активно цитировал все книги, даже и такие, которые никто, нигде и никогда не писал. объездил все страны мира, не избегая и тех, которых не было, посещая города, которые никто не возводил, общаясь с народами, которые нигде не обитали.

А ещё говорили, что он способен начертить треугольный квадрат или, если очень сильно его попросить, посрамить всех математиков, разделив любое число на ноль.

Впрочем, отсеяв все сплетни, преувеличения и небылицы, и оставив лишь то, что было доподлинно известно о нём обитателям монастыря, можно было смело сказать, что это и вправду был человек очень умный, довольно сильный, не лишённый определённых достоинств, но, вместе с тем, и известных недостатков. А именно – некоторой грубости в поведении и некоторой неприятности в общении.

Знакомство Гауденция с Мавром началось с письма, в котором первый выступил с резкой критикой взглядов второго касательно учений о суппозициях и недискурсивном способе познания. Венсан не заставил оппонента ждать своего ответа долго, в результате чего завязалась оживлённая переписка, в которой поднимались вопросы универсалий и акциденций, номинализма и реализма, греховности и святости, симонии, свободомыслия и догматов, и много другого, что занимало умы мыслителей эпохи.

Поскольку формат переписки не позволял оппонентам в должной мере развернуть имевшиеся у них аргументы и, вместе с тем, не вполне подходил для столь оживлённого обсуждения – Скиталец изъявил желание увидеться с Мавром лично, чтобы продолжить полемику уже с глазу на глаз.

Без злого умысла сложилось так, что день приезда учёного гостя совпал с днём отбытия монаха по приказу Папы. Но, поскольку дорога обещала быть долгой, и, так или иначе, имевшееся время требовалось употребить с максимальной пользой, Венсан не стал идти на попятную, а предложил человеку, проделавшему немалый путь до монастыря, составить ему компанию по дороге до Рима.

С первых же минут Гауденций вызывал у Фабриса двойственные чувства: с одной стороны, за плечами этого широкоплечего человека ощущались годы немалых свершений, а взгляд глубоко посаженных серых глаз таил в себе мудрость и опыт; но, вместе с тем, этот взгляд был несколько самоуверенным, а речь, изобиловавшая сложными терминами, мудрёными словесными конструкциями и крылатыми выражениями, отдавала оттенками превосходства и снисходительного пренебрежения к собеседнику.

Для человека своего времени он был крайне начитан, умён и образован, вместе с тем обладая и иными качествами, вполне заслуживавшими уважения, но в собственном представлении – он сильно преувеличивал как эти качества, так и собственную важность.

Придерживаясь мнения, что заносчивость претит умным людям, а всякий человек стоит ровно столько, сколько он сделал доброго, за вычетом тщеславия, Фабрис говорил о людях, подобных Гауденцию: «Мнят о себе нечто, будучи ничто».

Венсан, тем временем, относился к новому попутчику вполне благосклонно и, даже, можно сказать, тепло, ни словом, ни поступком не выказывая какой-либо антипатии. Но, вме-

сте с тем, несмотря на выказываемое уважение и учтивость в обращении, – монах был непреклонен в отстаивании правоты собственных убеждений.

Как бы то ни было, распрощавшись с приветливыми стенами монастыря и оставив далеко позади судакашую толпу провожающих, троица странников поравнялась на первой развилке. Фабрису ещё не приходилось бывать в столь прославленном городе, однако и он знал, что все дороги, как известно, ведут в Рим, поэтому – без колебаний повернул своего ослика, следуя за Венсаном.

Глава III, Повествующая о вечном и преходящем

Холодный вечер принял пост у тёплого дня, в то время как запал оппонентов ещё не начал угасать. И коль скоро Фабрис разбирался во многих вопросах не более чем перевозивший его Доминик, а некоторые из особо заумных терминов не повторил бы и под угрозой страшных пыток, он предпочитал не вмешиваться в полемику понапрасну.

Вместе с тем, не прекращая держать ухо востро и мотать на ус, он изредка вставлял свои скромные замечания, если обсуждаемая тема казалась очевидной даже ему, а иногда мог просить уточнений, открывая для себя что-нибудь особенно важное.

В тот миг, когда до привала оставалось проехать ещё немало, а пара неутомимых спорщиков решила сделать небольшой перерыв, Зубник принялся прокручивать в памяти один запоминающийся мотивчик, уже не раз помогавший ему скоротать время.

«Киприанова Вечеря» (а именно так называлась приставучая песня) повествовала *«ad jocunditatem»*, «для увеселения», и *«ad docendum»*, «для поучения», о том, как некий восточный царь Иоиль однажды устроил брачный пир в Кане Галилейской, созвав на этот великий пир великое множество личностей Священного Писания, от Адама до Христа.

Окунувшись в Иордан, гости поспешили на праздник, где Давид играл на арфе, Пилат омывал руки, Иродиада танцевала, Соломон накрывал стол, Марфа прислуживала за столом, Ной был пьян, а Иуда лез целоваться; Закхей занял место на дереве, Авессалом повис в ветвях, Авраам лёг под деревом, Каин сидел на сохе, Авель уселся на подойник, Самсон – у колонны, а Иаков – на невод; Моисей вручил в дар хозяину две скрижали, а Христос – агнца.

Надо было сказать, что подобного рода песня не виделась предосудительной и тем более кощунственной ни такому ревностному поборнику строгости и благопристойности, каким, без сомнения, являлся Рабан Мавр, архиепископ Майнцский, некогда составивший сокращённую версию этой древней побасенки для короля Лотарингии Лотаря II, ни Папе Римскому Иоанну VIII, по распоряжению которого, собственно, и был создан знаменитый стихотворный вариант, прославившийся в веках.

Обретшая огромную популярность среди самых различных сословий, начиная от неграмотных крестьян и завершая августейшими особами, песня не только исполнялась на праздниках, но и использовалась в образовательных целях. Ставя своей задачей отнюдь не глумление над святынями, но помощь в запоминании многочисленных имён и сюжетов из Ветхого и Нового Заветов, апокрифов и Святоотеческих трудов, она представляла особую ценность для начинающих школяров и простых людей, не обученных грамоте, а вместе с тем – по-доброму приободряла. Хотя, несомненно, встречались и радикально настроенные церковники, осуждавшие столь несерьёзный, на их взгляд, подход к столь серьёзной теме, пусть бы даже и продиктованный благими побуждениями.

В частности, Венсан, отнюдь не являвшийся занудой и буквой, вместе с тем считал не лишним напомнить, что смех, пусть даже иногда казавшийся уместным, был способен, в соответствии с учением Святых Отцов, изгнать из человека праведность, нарушив в нём внутреннее таинство духа, лишив благоговейного трепета и чувства глубокого почтения к святыням.

– А всё-таки знаете, чему я больше всего поражаюсь? – словно бы пробудив Фабриса ото сна, хрипло пробасил Гауденций, вновь обращаясь к Венсану Мавру. Мерцали светляки. Трепщали сверчки. Отходили от дневной дрёмы поздние птицы. Понуро опустив головы, тяжело ступали ослы. Пронизывающий ветер заставлял опустить капюшоны ряс пониже. Вдали раздавался вой лесного зверья. Проходившая меж высоких древ тропа уводила всё дальше в непроглядную темень.

– Не смею предположить, – неторопливо перебирая чётки, отозвался Венсан.

– Больше всего я поражаюсь тому, с каким упорством такой человек как вы, создающий впечатление если не умного, то, во всяком случае, в достаточной мере осведомлённого, чтобы наблюдать многочисленные противоречия и откровенные несурезицы, всё равно продолжает настаивать на своём... – прервавшись прочистить горло, Скиталец вскоре пояснил. – Безусловно, вы – человек весьма оригинальный. Как и другие, кто выбивается из вашей духовствующей братии. Такие люди мне всегда были по-своему интересны. Иногда – вызывали некоторое уважение. Но мне просто хотелось бы понять вашу логику, и логику вам подобных. Давайте смотреть на вещи разумно: по-вашему, существует некий благородный Старец, парящий в облаках и управляющий судьбами мира; и даже более того, Ему, будучи, казалось бы, Самодостаточным и ни в чём не испытывающим нужды, зачем-то вдруг понадобилось создавать мир, населённый различными тварями; наделять некоторых из них душой и разумом; тратить время на то, чтобы следить за поведением каждого из них в отдельности; при этом, без каких-либо видимых причин, награждая всякими удовольствиями тех, кто вёл себя хорошо, и наказывая страшными муками тех, кто вёл себя плохо; как будто Ему больше нечем заняться. Его никто не видел, но в Него непременно нужно верить. А созданный Им мир полон ужасов и страданий, которым Он либо не может противостоять и, стало быть, Он не обладает достаточным могуществом, вопреки тому, чему учат попы; либо может, но просто не желает, и, в таком случае, Он вовсе не благ, но зол и жесток. Но, несмотря на такие элементарные вещи, очевидные, казалось бы, даже для малого ребёнка, – многие, и вы в том числе, продолжаете упорно веровать в Его доброту, справедливость, любовь, да и просто существование, заверяя всех в том, что ждать от Него милостей на этой грешной земле нам не стоит, но – и это требуется просто принять на веру – те, кто уверуют в Него, спасены будут, и уже в другом, новом мире, будет им хорошо, а остальным – плохо. Что, на взгляд любого разумного человека, и нелогично, и несправедливо.

Выждав некоторую паузу, Гауденций продолжил:

– Вы только послушайте и вдумайтесь, насколько абсурдно всё это звучит.

– Звучит абсурдно, – несколько неожиданно для него согласился Венсан, не поведя даже бровью. – Особенно с учётом того, что аргументы, выдвигаемые вами за последнее время, противоречат не религии как таковой, а исключительно её упрощённо-детскому видению, вульгарным представлениям невежественных масс и убеждениям отдельных мракобесов. Во избежание подобной путаницы в дальнейшем, нам следует впредь давать определение обсуждаемых терминов ещё в начале беседы. Иначе мы с вами так и будем разговаривать на разных языках, подразумевая под теми же словами каждый своё, и, разумеется, так и не сумеем найти согласия.

Уже и забыв про песню, Фабрис прислушался, ожидая, что, несмотря на царившую кругом прохладу, скоро станет жарко.

– И для начала мне хочется отметить, что вера моя отнюдь не предполагает Бога в виде доброго дедушки, восседающего на облачке, но предполагает Его Высшим Разумом и Первопричиной всего сущего. А что касательно вашего тучеводителя – в него я не верую, как бы вы, и люди вам подобные, ни пытались убедить меня в обратном, – не распаяясь, но отвечая неторопливо и вкрадчиво, продолжил Мавр. – Но, в то же самое время, я ни в коей мере не ограничиваю Его личностные качества только лишь вышеназванными...

– Да-да, Всемогущий, Всеведущий, Всеблагий, Вездесущий, – коротко отсмеявшись после упоминания «тучеводителя», Скиталец сразу же несколько посерьёзней. – Помимо этого иногда ещё выделяют такие качества как вечность, неуязвимость, постоянство и прочие частные уточнения, в сумме делающие Его Всесовершеннейшим. Знаем, слышали. Но и в этом абсурдности ничуть не меньше. Хотя бы и потому, что подобные свойства противоречат не только друг другу, но и сами себе. Ну, например, вы можете объяснить, каким образом существование Божьего Промысла способно не противоречить наличию свободы воли у людей? Во-первых, ответственность подразумевает свободу выбора, и коль скоро человек несвободен

в выборе того, как ему надлежит поступить, – он лишён свободы и, следовательно, не может быть ответственен за свои прегрешения. Во-вторых, коль скоро не только действия человека, но и действия Самого Бога подчинены знанию того, что Ему надлежит сделать в будущем, – Он либо несвободен и Сам и, следовательно, не может быть Всемогущим, либо, если Он волен передумать и поступить иначе, чем Сам же и predetermined, – не может быть Всеведущим. Ну, что вы на это скажете?

– Я скажу вам, любезный Гауденций, что ваши вопросы и многие, подобные им, такие, как: «может ли Всемогущий Бог создать настолько тяжёлый камень, что не сможет его поднять?»; «может ли Всемогущий и Всеблагый Бог совершить грех?»; «может ли Всемогущий и Всеведущий Бог не знать или забыть что-нибудь?»; «может ли Всемогущий Бог сделать так, чтобы вчерашний день никогда не наступил?»; «может ли Всемогущий и Всесовершеннейший Бог лишиться Своего Всемогущества и Всесовершенства?»; «может ли Всемогущий Бог совершить самоубийство?»; «может ли Всемогущий Бог создать другого Всемогущего Бога?» – вызваны обыкновенной подменой понятий, – всё так же миролюбиво и доброжелательно ответил Венсан. – И эта подмена, в свою очередь, проистекает из разночтений в определении значений терминов. Дело в том, что человек, как и окружающий его мир, в настоящее время – несовершенен. И это несовершенство является следствием испорченности мира и, в первую очередь, испорченности человеческой природы в результате грехопадения человека – нарушения его связи с Богом, отпадения от Него. Текущее несовершенство человеческой природы, нашедшее отражение как в самом человеке, так, в той или иной мере, и во всём том, что он делает, и в том, что его окружает, помимо прочего отразилось и на языках, которыми он вынужден изъясняться.

– Несовершенство всех человеческих языков, – вознося указующий перст, пояснял Мавр, – будучи одним из следствий несовершенства человеческого сознания в целом, не позволяет нам подобрать в некоторых случаях слова, способные в полной мере отобразить некоторые понятия, категории и явления. Эта принципиальная недостаточность языковых средств, к примеру, проявляется во многих парадоксах, таких, как, скажем, «парадокс лжеца», пытаюсь разрешить который несчастный Филит Косский умер от измождения и бессонницы. То есть, когда критянин говорит, что все критяне лжецы, то, формально, можно рассуждать так, что если он сказал правду, то солгал, но, в таком случае, если он солгал, – то сказал правду. Но на самом же деле, как уже было сказано, корень проблемы лежит в вопросе трактовки: «парадокс» оказывается апофегмой – утверждение выглядит содержащим противоречие, которое на самом деле является мнимым.

Пока Гауденций переваривал сказанное, а Бенедикт неторопливо кивал, монах стал развивать мысль:

– С возникновением учения о суппозициях мы начали различать трактовку термина в зависимости от контекста высказывания и положения термина в тексте. Поскольку одни и те же термины могут иметь различное значение в разговорной речи, научном, религиозно-философском трактате, а также иметь различное значение даже в пределах отдельно взятой категории изъяснения, один и тот же термин может иметь множество суппозиций. Скажем, говоря слово «человек», мы можем подразумевать как отдельно взятого человека, абстрактного или конкретного, так и человечество в целом, как категорию объектов, и даже само слово «человек». Например, говоря: «по дороге идёт человек», мы, несомненно, говорим о «персональной суппозиции». Говоря: «человеку свойственно ошибаться», мы можем подразумевать, что ошибаться свойственно каждому человеку в отдельности, что есть уже «формальная суппозиция». Если же мы скажем: «„человек“ – это подлежащее», говоря не о людях из плоти и крови, а о роли слова «человек» в предложении, – речь идёт о «материальной суппозиции». Если же мы говорим: «человек есть один из видов Божьих творений», – мы уже говорим о «человеке» как о некоей категории, классе объектов в целом, то есть – «простой суппозиции».

Крайне важно разделять подобные вещи во избежание логических ошибок. К примеру, мы берём первое допущение: «Сократ – человек»; берём второе допущение: «люди – смертны»; и делаем отсюда логичный вывод: «Сократ – смертен». Но если мы скажем: «Человек есть один из видов Божьих творений, Сократ – человек, Сократ есть один из видов Божьих творений», – выводимый нами силлогизм будет в корне неверен, поскольку мы путаем персональную и простую суппозицию слова «человек». Или, например, если я скажу вам, что буду говорить по-гречески, то в случае формальной суппозиции – я начну говорить на греческом языке, а в случае материальной – стану монотонно бормотать: «По-гречески, по-гречески...».

Удручённо разведя руками, Мавр вздохнул:

– Но это всё – отвлечённые примеры и частные случаи. Я плавно подвожу вас к тому, что все ваши мнимые противоречия и устойчивые заблуждения имеют в своей основе простое непонимание сути вещей, которые кажутся абсурдными, нелогичными, противоречивыми и прочая по причине изначально некорректных определений ряда понятий, ошибочно положенных вами за основу при построении силлогизмов. Иными словами, неправильный вывод есть результат ошибочных предпосылок, на которых он был основан. Когда мы с вами произносим такие слова как «Бог», «справедливость», «добро», «зло», «святость», «греховность», «праведность», «религия», «Церковь», «Всемогущество», «Всеблагость», «душа», «дух», «мистика» и остальные понятия религиозной сферы, мы облакаем в них существенно разнящийся смысл.

– Что ж, я примерно так и ожидал, что вы будете юлить и увиливать за многословными софизмами и уходить от ответов на прямо поставленные вопросы. Но торопиться нам, в самом деле, некуда, – снисходительно отметил Скиталец, потрепав по загривку осла. – Что ж, ладно, допустим, это я, как вы утверждаете, что-то неправильно понимаю. Втолкуйте ж тогда, наконец, старому дураку.

– Краткий ответ неизбежно потребовал бы от собеседника понимания тех вещей, которые привели меня к определённой умозаключению. Если же он их не понимает, или, что ещё хуже, полагает, что понял, когда на самом деле это не так, – мой ответ просто не будет им понят и принят, – терпеливо разъяснил монах. – Ладно, давайте начнём основательно и с самых азов, и если у вас ещё остались припасены невысказанные вопросы, то, я надеюсь, к концу нашего странствия они разрешатся. Прежде всего, что есть «богословие»? Если подходить к вопросу формально, можно сказать, что это – систематическое изложение основ веры, представленное в виде набора тематически разделённых дисциплин. И это, отчасти, будет верно. Но если говорить по сути, то богословие – это и Слово Бога, и Бог-Слово, и слово о Боге, и прославление Бога. «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Бог есть Слово. И раз существует Слово – существует и Бог. Слово есть Высшая Сила. Слово есть закон всемирного развития, ибо всё, что было создано, было создано Словом. И, наконец, Слово есть Спаситель, ибо Словом Господь спасал грешный мир. И, вместе с тем, Бог есть Любовь, и, следовательно, Слово – тоже есть Любовь. Бог, Любовь и Слово – не три разных сущности, но три разных наименования, обозначающие по-разному Одну Сущность в Её различных, но нераздельных проявлениях. Естественно, слова составляют основу нашей речи, общения, мышления, любых категорий и понятий и, в конечном итоге, нашего спасения или гибели, в силу чего мы должны подходить к некоторым словам с особым трепетом и осмотрительностью.

Гауденций по-прежнему выглядел настроенным вполне скептически и откровенно скупчал, но, тем не менее, слушал не перебивая. Фабрис же, в отличие от чужестранца, уже давно привык к своеобразной манере Венсана основательно изъясняться.

– В тех случаях, когда обсуждение затрагивает богословские темы, крайне важны не только непосредственно сказанные слова, но и духовное состояние говорящего. В противном случае, когда слова звучат без должного трепета, основанного на покаянии и смирении, происходит десакрализация, которой так часто грешили, грешат и, к моему глубокому сожалению,

нию, ещё будут грешить в своих трудах многочисленные схоласты и мнимые святые, – с печалью поделился Мавр. – Без сомнения, труды Фомы Аквинского, Петра Ломбардского, Фомы Кемпийского и им подобных несут в себе известную ценность и важность, даже несмотря на то, что с рядом их положений я никак не могу согласиться. Но, вместе с тем, доктор Аквинский сводит всё богопознание к сугубо интеллектуальному процессу, в то время как некоторые вещи принципиально нельзя постичь исключительно *in ratio*. Подменяя свой духовный опыт созданием досужих умозрительных построений и различного рода философствований, он, как и ему подобные, фактически низводит Бога до уровня переменной в математическом уравнении. Иоанн Дунс Скотт признаёт следом за Вильгельмом Оккамским и Роджером Бэконом наличие вещей, которые не могут быть обоснованы исключительно рациональными способами, но должны приниматься на веру, и наличие наравне с умозрительными построениями и эмпирическим опытом особого мистического опыта-откровения. И, вместе с тем, полагает, что Бог постигается не через интеллект, но через любовь. И я мог бы сказать, что полностью с ним солидарен, если бы только не одно, но принципиальное «но»: под «любовью» мы с ним, да и не только с ним, подразумеваем принципиально различные вещи, о чём я детально поведаю дальше.

Подняв взгляд к небу, монах продолжил перебирать чётки:

– Итак, поскольку люди несовершенны и, в частности, несовершенен их разум, – это приводит к тому, что написанные людьми книги, в том числе и словари, – тоже несут на себе этот отпечаток. Приходящее в мир совершенным от Бога – портится в руках у людей. В итоге, необходимо уточнить, что есть правда человеческая и есть – Правда Божья; есть любовь человеческая, и есть – Любовь Божья, которая суть Бог, как и Слово; есть справедливость человеческая, и есть – Справедливость Божья; есть – гнев человеческий, несправедливый, и есть – Гнев Божий, праведный; есть воля человеческая и есть Воля Божья; есть совершенство человеческое – и Совершенство Божье. Всё это – вещи различного порядка, не просто несоизмеримо отличающиеся в пределах градаций одной категории, но вообще относящиеся к принципиально различным категориям. И, например, если гнев человеческий, как известно, есть грех, не творящий Правды Божьей, то когда мы говорим о Гневе Божьем или Любви Божьей, мы говорим не о привычных нам человеческих чувствах, являющихся следствием свойственной нам природы, – поскольку Бог Бесстрастен и Его действия не продиктованы влиянием сиюминутных порывов, эмоций и настроения, – а о вещах принципиально иного характера. Но поскольку в силу наших ограниченных возможностей мы, даже и понимая разницу, пока ещё не сумели придумать других, более корректных терминов, которые сумели бы в полной мере указать человеку несведущему на всю глубину различий, мы вынуждены использовать эти, как наиболее близкие к ним по смыслу, пусть и не тождественные.

– С этого момента, пожалуйста, подробнее, – тотчас оживившись, с интересом попросил собеседник. Навострив уши, ослы, казалось, тоже были не прочь приобщиться к давно уже ставшей притчей во языцех мудрости Мавра. Не говоря уже о Фабрисе.

– Строго говоря, богословие, вопреки заявлениям некоторых лиц, по сути, не развивается, да и в принципе не должно. Просто мы каждый раз ищем и находим новые способы более доступно разьяснять людям то, что давно нам уже известно и понятно, но, в силу тех или иных обстоятельств, не вполне очевидно для всякого. Человек, глаза которого зашторены различными категориями мирского мышления, постоянно рискует неверно истолковать то или иное название, применяя к нему привычные определения. В лучшем случае он просто не поймёт, что подразумевается, и сможет честно в этом признаться, а в худшем – станет распространять новую ересь, сея вокруг себя зёрна заблуждения и сомнения. Возьмём, к примеру, такое Божье качество, как Всеблагость. Подавляющее большинство гуманистов, вольнодумцев и безбожников, с которыми мне приходилось общаться, практически в один голос трактовали его превратно – как морально-этическую категорию. На самом же деле, речь, в данном случае,

идёт не о нравственных нормах, но об онтологической категории. Святость, или, по-другому, Благодать Божья – есть особая субстанция, единственным Источником и Средоточием которой является Бог, именуемый из-за этого Всеблагим. По Воле Своей Он может сделать сопричастными к этой Благодати те или иные вещи, такие, как, например, вода, ладан или церковная утварь, определённые места и Своих созданий – различных растений, животных, ангелов и людей. Иными словами, Свят только лишь Бог, а сопричастное Ему в большей или меньшей степени освящается, подобно тому, как что-то, находящееся ближе или дальше от источника тепла и света, в большей или меньшей степени согревается и освещается, а то и вовсе остаётся в холоде и во мраке, в силу своей отдалённости. Благодать есть Любовь – метафизическая связь человеческой души и Бога, требующая для своего поддержания постоянных усилий с обеих сторон, и если Божьи объятия открыты всегда и для всех, то всякое свободное существо вольно пренебречь этой Любовью. И Бог, от Которого в конечном итоге зависит всё, Сам пожелал того, чтобы те или иные вещи зависели не только от Него, выведя свободную волю человека в качестве одной из необходимых составляющих при осуществлении Промысла Божьего. Он уважает чужой выбор, даже если тот идёт наперекор Его Правде, поскольку иначе не предоставлял бы и самой возможности выбора и мы сейчас были бы не людьми и не личностями, а всего лишь безликими безвольными куклами. И не было бы ни грешных, ни праведных, ни горя, ни радости, ни счастья, ни скорби. Но всякий выбор влечёт за собой и определённые последствия, являющиеся неизбежной платой за самостоятельность, и если кто предпочёл чистоте – грязь, жизни – смерть, а правде – ложь, то это – его право и выбор как личности.

Конечной целью праведной жизни во Христе является обожение, которое отнюдь не означает, что праведный человек станет Самим Богом, ибо подобные мысли были бы кошунственной ересью, но лишь то, что обретший Бога будет наделяться неиссякающей Божьей Благодатью в вечности, уподобляясь Ему в той мере, в какой это вместит праведность его души, – выждав короткую паузу, чтобы все смогли поразмыслить над услышанным, Венсан предостерегающе продолжил. – Но следует иметь в виду особый нюанс. Бог щедро посылает Свою Благодать всем и каждому без исключения, поскольку Он Всемиловит, тем самым предоставляя даже и распоследнему из негодяев шанс на искупление, исцеление от заразы греха, исправление испорченной человеческой природы, восстановление нарушенной связи с Создателем и обретение Спасения.

Заявлять, что Божья Благодать не снисходит даже и на недостойных, – то же самое, что заявлять, будто бы солнце не светит на слепых, которые, на самом деле, просто его не видят. Природа каждого из нас испорчена в результате греха и, стало быть, требует исправления. Вместе с тем – поскольку Благодать есть Дар Божий – ни один из нас не становится праведником или святым по делам и заслугам, но только лишь по Милости Божьей. И спасение точно так же обретается не за дела и заслуги, которые, по факту, ничтожны, и не по причине отсутствия грехов, которых больше, чем песчинок на побережье, но исключительно по Милости Божьей.

Однако же, из этого вовсе не следует, что любой человек неизбежно будет спасён в любом случае, независимо от того, сколь гадкой и мерзкой натурой он обладает. Принятие Божьей Благодати, а затем её удержание, приумножение и стяжание требуют не только лишь Дара от Бога, но также и особых усилий со стороны человека, поскольку все наши неправедные поступки, помышления и слова изгоняют её из нас, отдаляя нас от Бога и приближая к гибели.

– То есть, выходит, что Бог является Всеблагим отнюдь не потому, что Он что-то делает, или чего-то не делает, но просто в силу того, что Он является единственным Источником и Средоточием Благодати? И оставался бы Всеблагим даже и в том случае, если бы ничего не создавал и ни с кем не контактировал? – подытоживая, уточнил Гауденций. При этом его тон звучал так, словно бы ему не приходилось выслушивать в своей жизни что-либо более нелепое.

– И в общем, и в целом – именно так, – подтвердил Мавр. – Вот только ваше слово «просто» звучит здесь совершенно неуместно. На примере Всеблагости можно сказать, что свойства Бога зачастую понимаются превратно, притом, что мы, говоря об этих качествах, прежде всего, подразумеваем их исключительность и отсутствие у кого-либо, кроме Бога.

Вместе с тем любые попытки исчерпывающе описать Сущность Творца, Тайну Тайн, Загадку Загадок, пред значимостью и величием Которой меркнут все прочие, пользуясь доступной нам, несовершенным людям, терминологией, изначально обречены на провал, поскольку Его Сущность несоизмеримо сложнее всех категорий и понятий, которыми мы оперируем.

В связи с этим, любой верующий или неверующий в Бога человек, в первую очередь, должен понимать, что он верует или не верует именно в своё неполное, а то и вовсе искажённое *представление* о Боге, а недопонимания и противоречия способны возникать исключительно из-за различия в восприятии этих представлений.

К примеру, при наличии исключительных свойств, у Создателя, тем не менее, отсутствуют некоторые простые свойства, присущие для всякой тварной материи и, в частности, привычные для человека; и это вовсе не говорит нам о несовершенстве Бога, но, напротив, лишь только подчёркивает несовершенство человека и тварного мира в сравнении с Богом.

Иными словами, для того, чтобы быть Всесовершенным, – Ему совершенно не требуется обладать какими-либо качествами, свидетельствующими о несовершенстве.

Кашлянув и прочистив горло, монах поспешил дополнить:

– Так, например, пресловутый вопрос о том, может ли Бог создать настолько тяжёлый камень, что Сам не сможет его поднять, – просто некорректно сформулирован изначально, поскольку, как было сказано, у Всесовершеннейшего Бога отсутствуют характеристики, присущие тварной материи. Соответственно, для Него не существует такого понятия как «легко» или «тяжело», вес не играет роли, скорее уж можно было бы спросить, способен ли Он создать камень, который не сможет оторвать от Земли. Что, впрочем, тоже будет не вполне верно.

Дело в том, что, прежде чем разбираться в этом вопросе, следует, прежде всего, уточнить определение термина «Всемогущество».

В частности – включает ли в себя определение Всемогущества невозможность совершения какого-либо действия для Всемогущего Существа.

Бог способен не только поднять какой-либо камень, но и, как известно, даже сделать из камней детей Аврааму, что, без сомнения, не под силу больше никому, и какие-либо физические характеристики камня тут совершенно несущественны. Бог является Творцом и Законодателем, сотворившим законы природы, в то же самое время не будучи Сам как-либо ограничен ими. И в этом нет какого-либо оскорбления Божьего Промысла, либо «передумывания» в силу, как это может показаться на первый взгляд, поступления Им же установленными законами, как и прочего тому подобного, поскольку Божьи чудеса противоречат не законам природы как таковым, а всего лишь неполным представлениям отдельных людей о законах природы. В Его нежелании сделать заурядную для Него задачу невыполнимой на самом деле нет никакого противоречия Его Всемогуществу. И вместе с тем вполне можно допустить, что Он также просто мог бы и ограничить Себя в каких-то возможностях, если бы это потребовалось Ему для каких-либо целей и задач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.